Политич., историч. и попул.-научная „БИБЛІОТЕКА для САМОРАЗВИТІЯ“.
Выпуски 67—68.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Выпускъ 17-й.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ КРУЖКИ
1873—1874 ГГ.
и
МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ
1875 ГОДА.

Выпускъ 18-й.

„Троглодиты“.
„Земля и Воля“.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ
КЪ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“
ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

„Троглодиты“.

„Земля и Воля“.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
подъ редакціей
С. М. Проппера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе и типографія С. М. Проппера, Галерная ул., № 40.
1907.

184057/2

[illegible]

I.

«Южно-русскій рабочій союзъ».—Е. О. Заславскій.—Уставъ союза и его дѣятельность.—Доставка книгъ изъ-за границы.—Сходки.—Д. А. Полко.—Аресты и судъ.—Приговоръ по дѣлу рабочаго союза.—Изъ записокъ С. Жебунева.—Поселенія «троглодитовъ».—Кіевскіе кружки.—Изъ записокъ Михайлова.

Какъ ни трудились жандармскія и полицейскія власти въ теченіе 1874 и 1875 гг., хотя и открыли революціонные кружки въ 35 губерніяхъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они не уничтожили революціи. И во второй половинѣ 1875 г., съ одной стороны, существовали кружки, сумѣвшіе ускользнуть отъ преслѣдованій, съ другой—возникли новые. На смѣну арестованнымъ пропагандистамъ являлись и составляли кружки молодыя силы. Многіе кружки дѣйствовали столь «конспиративно» и осторожно, что о нихъ не только ничего не знали жандармы, но и исторія не сохранила никакихъ свѣдѣній про ихъ дѣла и помышленія. Къ числу кружковъ первой категоріи, не попавшей въ процессъ «50-ти» или «193-хъ» только по недосмотру, относится такъ называемый «южно-русскій рабочій союзъ», существовавшій въ Одессѣ въ 1875 г. Хотя въ перепискѣ, захваченной во время обыска въ Иваново-Вознесенскѣ, и были найдены кое-какія указанія на счетъ одесскаго кружка, но властямъ не удалось до него добраться только случайно.

Въ концѣ ноября 1875 г. служившій машинистомъ на ю.-з. желѣзной дорогѣ, крестьянинъ Павелъ Толстоносовъ, явился къ начальнику жандармскаго управленія и сообщилъ ему, что въ Одессѣ существуетъ тайное революціонное общество, занимающееся распространеніемъ въ народѣ противоправительственныхъ книгъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Толстоносовъ предъявилъ нѣсколько номеровъ «Впередъ», «Работника» и пять-шесть брошюръ. Онъ же назвалъ фамиліи нѣсколькихъ членовъ общества. По указаніямъ Толстоносова, были произведены обыски, результатомъ которыхъ были многочисленные аресты и разгромъ «южнорусскаго союза».

Рабочій Мрачковскій показалъ, что, бывая у своего товарища Курганова, онъ видѣлъ, что послѣдній и его пріятель, Короленко, читаютъ газету «Впередъ». Онъ попросилъ ее у нихъ, но они отвѣчали, что эта газета запрещенная и, прежде чѣмъ получить ее для чтенія, надо побывать на сходкахъ. Поэтому онъ попросилъ своихъ пріятелей взять его съ собою на сходку, и въ первый же праздничный день они туда и отправились. Сходка происходила въ трактирѣ, въ городскомъ саду, гдѣ собралось до 30 человѣкъ рабочихъ.

Мрачковскій былъ еще на нѣсколькихъ сходкахъ, которыя происходили обыкновенно за городомъ, а когда начались холода, то въ трактирахъ. Насколько помнилъ Мрачковскій, при немъ рѣшались вопросы: о займѣ Курганскому 25 р., объ исключеніи изъ общества Рывицкаго за невзносъ взятыхъ имъ изъ кассы денегъ, обсуждался проектъ устава союза, составленный Сквери. Въ уставѣ, насколько помнилъ Мрачковскій, говорилось, что рабочіе должны стоять всѣ за одного и одинъ за всѣхъ. У общества была касса, предназначенная для вспомощество-

ванія рабочимъ, не имѣющимъ мѣста. Туда каждый членъ союза долженъ былъ вносить по одному рублю въ мѣсяцъ. Завѣдывалъ кассою рабочій Луценко; кромѣ того, избирались депутаты для сбора денегъ въ кассу и ознакомленія рабочихъ съ основаніями устава, составленнаго Сквери.

Руководящая роль въ союзѣ принадлежала дворянину Евгенію Осиповичу Заславскому. На сходкахъ онъ произносилъ обыкновенно рѣчи о томъ, что рабочіе обременены работою и податями и что, если правительство ничего для нихъ не сдѣлаетъ, то необходимо взбунтоваться и идти противъ войскъ. Кромѣ Заславскаго, руководителями общества были: итальянскій подданный Михаилъ Петровичъ Сквери, одесскій мѣщанинъ Федоръ Кравченко и елизаветградскій—Петръ Силенко.

Мрачковскій утверждалъ, что онъ хотѣлъ выйти изъ союза, но ему объяснили, что этого сдѣлать нельзя, и если онъ оставитъ общество или вздумаетъ не повиноваться его постановленіямъ, то будетъ убитъ.

Два экземпляра «устава южно-русскаго союза рабочихъ», переписанные рукою Сквери, были найдены случайно, на улицѣ, мальчикомъ, Петромъ Шепелевымъ, и были пріобщены къ дѣлу. Въ уставѣ говорилось, что, сознавая, что установившійся нынѣ относительно рабочихъ порядокъ не соотвѣтствуетъ истиннымъ требованіямъ справедливости, что рабочіе могутъ достигнуть признанія своихъ правъ только путемъ насильственнаго переворота, который уничтожитъ всякія привилегіи и преимущества,—рабочіе южно-русскаго края соединяются въ одинъ союзъ, поставя себѣ цѣлью:

а) пропаганду идеи освобожденія рабочихъ изъ-

подъ гнета капитала и привилегированныхъ классовъ;

б) объединеніе рабочихъ южно-русскаго края;

в) борьбу съ установившимся экономическимъ и политическимъ порядкомъ.

О кассѣ союза говорилось, что суммы ея предназначаются для пропаганды идеи освобожденія рабочихъ, впослѣдствіи же и для борьбы за эту идею. Въ 4 п. излагалось правило: «всѣ за одного, и одинъ за всѣхъ». По 5 п. членъ союза, проговорившійся о существованіи послѣдняго постороннему лицу или не исполняющій въ точности своихъ обязанностей, считается измѣнникомъ. Шестой пунктъ устава требуетъ отъ каждаго члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимою для спасенія союза. Слѣдующіе пункты заключали правила относительно взносовъ, порядка расходованія суммъ, о кассирѣ, кружкахъ и депутатахъ. Въ уставѣ упоминалось, что союзъ раздѣляется на общества, которыхъ теперь два: одесское и ростовское.

Дознаніемъ удалось выяснить, какимъ путемъ союзъ получалъ изъ-за границы запрещенныя книги. Этимъ дѣломъ завѣдывалъ сынъ священника, Митрофанъ Ляховичъ. Онъ состоялъ угольщикомъ на пароходѣ «Лазаревъ» и доставлялъ въ Одессу книги, получаемыя имъ въ Лондонѣ у русскихъ: Пустового и Ларіонова. При посредствѣ Рывицкаго онъ познакомился съ Заславскимъ и возилъ отъ него письма въ Лондонъ къ Пустовому. Ляховскій вскрылъ одно изъ этихъ писемъ. Заславкій писалъ въ немъ, что онъ три года живетъ въ Одессѣ, что сперва дѣло шло туго, но что теперь онъ уже имѣетъ до сорока человѣкъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться. Что касается члена союза, турецкаго подданнаго Христофора-Яни Рывицкаго, то нѣкоторые свидѣтели утверждали, что знали его подъ фа-

милѣй Яна Рывицкаго, что онъ жилъ раньше въ Подольской губерніи, гдѣ работалъ на чугуно-литейномъ заводѣ помѣщика Мальковскаго, считался тогда католикомъ и русскимъ подданнымъ. Во время задержанія онъ числился православнымъ и турецкимъ подданнымъ.

Рывицкій тоже игралъ въ обществѣ нѣкоторую роль. Повидимому, онъ хранилъ книги, принадлежавшія союзу.

Дѣятельность Заславскаго въ Одессѣ продолжалась около трехъ лѣтъ. Слѣдствіемъ удалось установить, что въ періодъ съ 1872 по 1874 г. на квартирѣ, нанимаемой на имя Изотова, устраивались лекціи для рабочихъ. Въ числѣ другихъ лекторовъ Заславскій читалъ тамъ политическую экономію. Въ квартирѣ Изотова помѣщалась также библіотека, полученная, по показанію Изотова, отъ какого-то семинариста, Ковальскаго. За чтеніе книгъ взималось по 7 коп. въ недѣлю.

Однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ Заславскаго былъ извѣстный впослѣдствіи террористъ, Григорій Анфимовичъ Полко, уцѣлѣвшій какимъ-то чудомъ и не арестованный во время разгрома союза. И онъ читалъ лекціи рабочимъ, обучалъ ихъ грамотѣ и занимался труднымъ и опаснымъ дѣломъ перевозки книгъ изъ-за границы. Съ этою цѣлью онъ ѣздилъ часто въ Кишиневъ, жилъ на границѣ, знакомился съ разными евреями-контрабандистами, рискуя каждую минуту быть преданнымъ.

Полко съумѣлъ вести дѣла такъ умно и осторожно, что его фамилія осталась неизвѣстною шпіонамъ и жандармамъ не только во время его поѣздокъ за границу, но даже когда самъ Заславскій былъ арестованъ. Полко не только избѣжалъ ареста, но даже сохранилъ легальность. Толстоносовъ и другіе шпіоны знали только его клич-

ки: «Козьма», «Грыцько», «Чернышевъ», настоящей же его фамиліи не зналъ никто.

Когда, послѣ ареста Заславскаго, вся созданная имъ организація рушилась, Полко собралъ остальныхъ рабочихъ, не терялъ ихъ ни на минуту изъ виду, и при его участіи удалось составить новый кружокъ, въ составъ котораго входили братья Ивичевичи, Иванченко и другіе «заславцы». Этотъ кружокъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ кіевскимъ кружкомъ Стефановича и Дебогорій-Мокріевича.

Впослѣдствіи одесскій кружокъ рѣшилъ отомстить за Заславскаго и убить шпіоновъ Толстоносова и Тавлѣева. Первому изъ нихъ удалось ускользнуть и избѣжать мести, но второй былъ убитъ во время гулянья въ городскомъ саду чуть-ли не на виду у всѣхъ, въ 1876 году.

Кружки Заславскаго и Полко составляютъ какъ бы соединительное звено между кружками 73 и 74 гг. Волховскаго, Франжоли, Жебуневыхъ и позднѣйшими террористическими кружками Ковальскаго, Лизогуба и пр.

Возвращаясь къ Заславскому, остается отмѣтить, что въ цѣляхъ пропаганды онъ открылъ въ Одессѣ баню, на устройство которой были израсходованы, между прочимъ, и деньги, собиравшіяся за чтеніе книгъ изъ кружковой библіотеки. Баня, впрочемъ, просуществовала недолго и была закрыта, такъ какъ приносила одни только убытки. Потомъ Заславскій открылъ типографію. Одинъ изъ пріятелей Заславскаго, рабочій Наддачинъ, послѣ закрытія бани переѣхалъ въ Ростовъ-на-Дону, гдѣ поступилъ на службу въ желѣзнодорожныя мастерскія и занимался пропагандою среди рабочихъ. Онъ былъ арестованъ, но открыть его помощниковъ или послѣдователей такъ и не удалось.

На основаніи данныхъ, добытыхъ дознаніемъ

по дѣлу Заславскаго и его товарищей, обвинительная власть пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

1) что въ 1875 году въ средѣ рабочихъ города Одессы велась противоправительственная пропаганда, имѣвшая своимъ послѣдствіемъ образованіе союза рабочихъ съ цѣлью въ будущемъ насильственно измѣнить существующій нынѣ государственный порядокъ;

2) что на сходкахъ этого союза читали и раздавали рабочимъ книги, возбуждающія къ бунту и явному неповиновенію власти верховной;

3) что основателемъ и руководителемъ этого союза былъ дворянинъ Евгеній Заславскій;

4) что въ немъ наиболѣе дѣятельными членами были: Кравченко, Рыбицкій, Силенко и Сквери;

5) что членами этого сообщества, вполнѣ сознававшими преступныя цѣли его и содѣйствовавшими ихъ достиженію, были также: Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій;

6) что Николай Наддачинъ изобличается въ храненіи книгъ противоправительственнаго содержанія;

7) что Ляховичъ, Волощукъ, Тароненко и Соколовъ уличаются въ распространеніи того же преступнаго содержанія книгъ;

8) что Янъ Рыбицкій, проживавшій съ дѣтства въ Россіи, пріобрѣтя покупкою въ Одессѣ турецкій паспортъ на имя Христофора-Ивана, сталъ проживать по этому паспорту, выдавая его за свой.

Такимъ образомъ, Заславскій, Рыбицкій, Кравченко, Силенко, Сквери, Лущенко, Наумовъ, Короленко, Мрачковскій и Курганскій были преданы суду особаго присутствія правительствующаго сената по обвиненію въ томъ, что соста-

вила сообщество, имѣвшее цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ насильственно ниспровергнуть существующій государственный порядокъ. Кромѣ того, тѣ же лица, а также Ляховичъ, Волощукъ, Соколовъ и Тароненко обвинялись въ распространеніи книгъ, возбуждающихъ къ бунту, Наддачинъ въ храненіи ихъ, Рыбицкій же въ проживательствѣ по чужому виду.

Итого, по дѣлу объ «южно-русскомъ рабочемъ союзѣ» было предано суду 15 человѣкъ, изъ которыхъ: Заславскій присужденъ къ каторжнымъ работамъ на десять лѣтъ; Рыбицкій и Кравченко — на пять; Наумовъ, Силенко, Ляховичъ, Сквери и Мрачковскій сосланы въ Сибирь на поселеніе; Лущенко присужденъ къ заключенію въ арестантскомъ исправительномъ отдѣленіи на два года; Короленко и Курганскій на 1 годъ; Тараненко, Наддачинъ, Соколовъ и Волощукъ приговорены къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

Заславскій кончилъ жизнь трагически. Онъ въ тюрьмѣ сошелъ съ ума. «Однажды,—пишетъ въ своихъ воспоминаніямъ С. Жебуневъ, — когда смотритель тюрьмы съ надзирателемъ удалились, и въ коридорѣ воцарилась тишина, я сталъ громко звать сосѣда къ дверямъ. Отвѣта не было, въ сосѣдней же камерѣ раздавались быстрые шаги, очевидно, нервнаго человѣка. Лишь черезъ два часа мнѣ удалось вызвать сосѣда къ дверямъ. На мои вопросы я вдругъ услышалъ, къ моему ужасу, нервный голосъ безумнаго человѣка:

— Я знаю, меня посадили сюда съ научною цѣлью; я сижу здѣсь въ антропологическомъ кабинетѣ; съ окна кабинета я долженъ изучать человѣческіе типы. Что же, я для науки готовъ страдать, но пусть же дозволятъ моимъ женѣ и дочери посѣщать меня... Вотъ, слышите, меня

зовутъ къ телеграфу. Моя камера вѣдь соединена телеграфомъ съ университетомъ.

Заславскій сошелъ съ ума вскорѣ послѣ ареста, въ арестантскомъ домѣ, откуда его перевели въ тюрьму. Смотритель тюрьмы, боясь, чтобы больной не лишилъ себя жизни, помѣщалъ къ нему на ночь двухъ арестантовъ. Такъ какъ на него находили иногда минуты просвѣтленія, то арестанты нерѣдко уходили изъ его камеры въ восторгѣ и удивленіи отъ рѣчей заключеннаго. «И що це за человікъ,—говорилъ одинъ парень Жебуневу,—винъ усе знае».

Изъ Одессы Заславскаго перевели въ Петербургъ, въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ онъ впалъ въ полное тихое умопомѣшательство. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству Жебунева, его судили и присудили къ десяти годамъ каторги. Процессъ Заславскаго разбирался съ 23-го по 29-е мая 1877 года, и на немъ присутствовалъ И. С. Тургеневъ. Заславскій умеръ въ домѣ для умалишенныхъ.

Революціонные кружки продолжали существовать не только въ Одессѣ, но и въ Ростовѣ-на-Дону и въ Кіевѣ. Антекманъ говоритъ о ростовскомъ кружкѣ, имѣвшемъ свои отдѣленія также и въ Харьковѣ.

По его словамъ, этотъ кружокъ много поработалъ на пропагандистскомъ пути, исколесилъ вдоль и поперекъ Новороссійскій край, землю Войска Донского, Кубанскую область и часть Уральской. Этотъ кружокъ не былъ богатъ матеріальными средствами, но за то былъ богатъ умственными и моральными. Что ни членъ кружка, то если не крупная, то, во всякомъ случаѣ, своеобразная индивидуальность. Въ этомъ кружкѣ занималъ первое мѣсто столь извѣстный впослѣдствіи Валеріанъ Осинскій. Къ этому кружку принадлежалъ также Емельяновъ, извѣстный

подъ кличкою «Андрѣичъ». Это тотъ самый молодой человѣкъ, который, подъ фамиліей Боголюбова, былъ задержанъ во время демонстраціи на Казанской площади, былъ осужденъ въ каторгу и выпоротъ въ домѣ предварительнаго заключенія Треповымъ. Впослѣдствіи и онъ заболѣлъ буйнымъ умопомѣшательствомъ и умеръ въ тюрьмѣ во время одного изъ припадковъ. По словамъ Антекмана, ростовскій кружокъ возлагалъ на «Андреича» большія надежды, считая его прекраснымъ организаторомъ.

Членами харьковско-ростовскаго кружка состояли также: Мощенко, Новицкій, Федоровъ и другіе.

Равнымъ образомъ, послѣ разгрома 1874—5 года почти не прекращали своей дѣятельности революціонные кружки Кіева, гдѣ дѣйствовали Дебогорій-Мокріевичъ, Анна Макаревичъ, Стефановичъ, Дейчъ и другіе. Какъ извѣстно изъ воспоминаній Мокріевича, они въ мартѣ 1876 года двинулись «въ народъ» и поселились на югѣ, въ Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ. Поселенія пропагандистовъ находились въ 10—15 верстахъ одно отъ другого. Они заводили знакомства съ крестьянами, упражнялись въ стрѣльбѣ, изучали карты на случай возстанія. Это и были такъ называемые «троглодиты». Разница между ними и пропагандистами предъидущаго періода и заключалась, именно, въ осѣдлости. Въ то время, какъ пропагандисты странствовали, «троглодиты» останавливались въ излюбленныхъ пунктахъ. Между прочимъ, сами себя они никогда не называли этимъ именемъ, которое было дано имъ впослѣдствіи, главнымъ образомъ, за ихъ конспиративность. Южные «троглодиты» раздѣлялись на нѣсколько группъ. На обязанности одной лежало добываніе матеріальныхъ средствъ, нужныхъ, главнымъ обра-

зомъ, для закупки оружія и устройства тайныхъ складовъ, другая должна была заняться подысканіемъ связей между крестьянами. На Анну Макаревичъ было возложено порученіе съѣздить въ Швейцарію и пріобрѣсти тамъ типографскій станокъ, что она и исполнила. Станокъ удалось провести контрабандою черезъ румынскую границу и доставить его въ Кіевъ.

Дебогорій-Мокріевичъ описывалъ нѣсколько иронически дѣятельность «троглодитовъ». По его словамъ, они почти не заводили знакомствъ съ крестьянами и больше упражнялись въ стрѣльбѣ и устраивали съѣзды въ Смѣлѣ или Елизаветградѣ, гдѣ вели идейные споры. Впрочемъ, иронія Мокріевича кажется нѣсколько преувеличенной. Лучшимъ доказательствомъ того, что не всѣ «троглодиты» теряли даромъ время, служитъ знаменитый «Чигиринскій заговоръ» Стефановича, съумѣвшаго завести среди крестьянъ обширныя знакомства и даже организовать спеціальное общество изъ крестьянъ.

Какъ видно изъ воспоминаній Дебогорій-Мокріевича, южные «троглодиты» ликвидировали свои дѣла неожиданно. Въ Елизаветградѣ появился «предатель» Горинновичъ, съ явнымъ намѣреніемъ разслѣдовать жизнь «троглодитовъ» и сдѣлать о нихъ соотвѣтственный докладъ. Но кружокъ не дремалъ. Дейчъ и Стефановичъ завлекли шпіона въ Одессу, гдѣ и жестоко расправились съ нимъ. Послѣ этого случая «троглодиты» считали не безопаснымъ оставаться въ своихъ притонахъ и разбрелись во всѣ стороны.

А. Д. Михайловъ познакомился съ кіевскими кружками зимою 1875—6 года, но и на него они не произвели особенно благопріятнаго впечатлѣнія:

«Я искалъ солидной силы,—пишетъ Михайловъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—опредѣленной

и энергичной дѣятельности, въ Кіевѣ же больше препирались о теоріяхъ и личныхъ отношеніяхъ, чѣмъ дѣйствовали. Работали немногія единицы, но тѣ сторонились мало знакомыхъ людей. Съ одной стороны, я видѣлъ великія цѣли и громадныя задачи, а съ другой—кучки людей, неорганизованныя, несплоченныя, безъ единаго, общаго плана, безъ опредѣленныхъ практическихъ задачъ. Я ясно сознавалъ безплодность такого положенія вещей. Рѣшивъ свое отношеніе къ партіи, меня тянуло не «въ народъ», что было даже обязательно тогда для каждаго неофита. Нѣтъ, въ моей головѣ родились смѣлыя до дерзости планы—обще-русской организаціи силъ соціально-революціонной партіи...

«Конечно, мои планы не могли осуществиться въ Кіевѣ, гдѣ уже личная враждебность кружковъ одного къ другому мѣшала этому. Тамъ много было генераловъ и адъютантовъ при нихъ, но не было солдатъ, почти не было дѣятельныхъ революціонныхъ силъ. Въ Кіевѣ я познакомился съ Гольденбергомъ, который меня полюбилъ и съ большой охотой водилъ со мною дружбу. Какъ человѣкъ добрый, преданный дѣлу, онъ мнѣ нравился, но глупость его часто меня бѣсила и смѣшила. Здѣсь же я познакомился съ Д. А. Лизогубомъ, Стефановичемъ и многими другими бунтарями. Нѣсколько недѣль они пользовались всей своей ордой (съ револьверами, сѣдлами и проч.) моей квартирой. Я видѣлъ, что они приготовляются къ битвѣ. Это ясно было и по ихъ внѣшности, и по настроенію. Они нравились мнѣ болѣе всѣхъ кіевлянъ, хотя доходили въ принципахъ до крайностей; свое дѣло они отъ меня скрывали».

II.

Саратовскіе «троглодиты».—Кружокъ Гераклитова.—Его разгромъ. — Конспиративная квартира Лаврова. — Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ.—Возникновеніе «Земли и Воли».—Уставъ и программа «Земли и Воли».—Землевольческія поселенія въ Саратовской губ.—«Небесная канцелярія».—Арестъ М. Натансона. —Разгромъ саратовской коммуны.—Мелитопольское и самарское поселенія.—Разгромъ ростовскаго рабочаго кружка.

Холодный сѣверъ не отставалъ отъ пылкаго юга. И тамъ, сейчасъ же послѣ разгрома, стали возникать и развиваться кружки и общества. Въ этомъ отношеніи особенную извѣстность пріобрѣлъ Саратовъ. Несмотря на многочисленные аресты и массовыя исключенія заподозрѣнныхъ изъ учебныхъ заведеній, ферментъ оказался настолько живучимъ, что движеніе продолжало развиваться само собой, уже безъ всякаго воздѣйствія со стороны столичныхъ пропагандистовъ и, какъ въ Одессѣ, вскорѣ перешло въ рабочую среду. Послѣ разгрома московской организаціи въ Саратовъ возвратился тамошній уроженецъ, сынъ священника, бывшій студентъ Петровской академіи, Федоръ Ермолаевичъ Гераклитовъ. Какимъ-то чудомъ онъ спасся отъ ареста въ Москвѣ, переселился въ Саратовъ и сталъ вести жизнь простого рабочаго.

Онъ занимался, какъ профессіей, переплетнымъ мастерствомъ и нанималъ себѣ обыкно-

венно комнату у владѣльца какой-нибудь мелкой мастерской. Сблизившись съ ея рабочими, онъ переселялся къ другому ремесленнику и, такимъ образомъ, пріобрѣлъ въ короткое время значительное количество учениковъ и послѣдователей среди саратовскихъ рабочихъ. Такъ какъ одинъ онъ былъ не въ силахъ заниматься со всѣми своими учениками, то пригласилъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ гимназистовъ старшихъ классовъ: Степанова, Ширяева, Бобогова, Поливанова и друг.

Кружки среди воспитанниковъ Саратовской гимназіи существовали уже, какъ въ старшихъ, такъ и въ младшихъ классахъ. У нихъ имѣлась своя касса, библіотеки легальная и нелегальная, и т. д. Подъ вліяніемъ Гераклитова участники кружковъ стали искать сближенія съ рабочими, посѣщать мастерскія, изучать ремесла. Ширяевъ оставилъ гимназію, поступилъ наборщикомъ въ типографію, бывшій семинаристъ Иванъ Софинскій поступилъ чернорабочимъ на чугунолитейный заводъ, бывшій студентъ московскаго университета Щербина—въ столярную мастерскую и т. д. Зимой 1876 года Гераклитовъ объединилъ десятокъ этихъ лицъ въ особый кружокъ пропагандистовъ, поставившій своею цѣлью организацію поволжскихъ рабочихъ для будущаго возстанія. Вскорѣ вокругъ Гераклитова и его товарищей сплотилось до 40 человѣкъ рабочихъ различныхъ производствъ. Была нанята особая квартира, гдѣ по субботамъ собирались рабочіе. Тамъ же находилась и касса. На собраніяхъ вырабатывался уставъ кассы, обсуждался планъ дѣйствій, читались и раздавались по рукамъ новыя изданія, пѣлись революціонныя пѣсни. Въ началѣ 1877 года конспиративная квартира была разгромлена. Гераклитовъ и С. Ширяевъ успѣли бѣжать за границу, но семь

лицъ: Бобоговъ, Благовѣщенскій, Софинскій, П. Ширяевъ, Щербинскій и слесаря: Нагель и Бобылевъ были сосланы административнымъ порядкомъ въ Архангѣльскую губернію. Большинство рабочихъ, принадлежавшихъ къ организаціи, разъѣхалось изъ Саратова или потеряло связь съ пропагандистами, большая часть кружковой библіотеки погибла въ передрягахъ. Средства кассы ушли на побѣгъ Гераклитова.

Организація распалась, но дѣло не остановилось, такъ какъ оставшихся на свободѣ было достаточно для возстановленія черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ разгрома рабочаго кружка. Съ цѣлью восполненія убыли пропагандисты рѣшили усилить интенсивность своей работы и начали дѣйствовать, что называется, напропалую. Лѣтомъ 1877 года на Армянской улицѣ была нанята довольно большая квартира, на которой поселились: Лавровъ, Поливановъ и Майновъ. Своимъ знакомымъ они разрѣшили приводить туда всѣхъ желающихъ, и каждый вечеръ у нихъ стали собираться кружки всякаго рода молодежи. Тамъ бывали и рабочіе, и чиновники, и юнкера, и учительницы, и мѣстные жители, и пріѣзжіе. Каждый вечеръ ставилась на обсужденіе и горячо дебатировалась какая-либо тема политическаго характера. Желающимъ раздавались тутъ же нелегальныя изданія. Многіе изъ посѣтителей квартиры втягивались въ кругъ революціонныхъ интересовъ и примыкали къ кружку, другіе появлялись разъ, другой и исчезали съ горизонта.

Къ началу зимы стало ясно, что продолженіе такой дѣятельности невозможно, что не сегодня, завтра послѣдуетъ новый разгромъ, а потому квартира на Армянской улицѣ была оставлена. Члены кружка разселились по одиночкѣ, ввели нѣкоторую конспиративность въ пріемы пропаганды и отдались всецѣло дѣятельности среди

рабочихъ. Къ этому времени въ Саратовѣ появились революціонеры, наѣхавшіе изъ Петербурга и другихъ мѣстъ и рѣшившіе разселиться по деревнямъ Поволжья и на Уралѣ, а потому, прежде чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшей исторіи саратовскихъ кружковъ, намъ необходимо остановиться на обзорѣ дѣятельности петербургскихъ пропагандистовъ.

И въ Петербургѣ дѣятельность подпольныхъ кружковъ почти не прекращалась. На смѣну арестованнымъ пропагандистамъ появились новые, не менѣе талантливые и энергичные. Сильнымъ вліяніемъ на рабочихъ пользовались тѣ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованіямъ по дѣлу о преступной пропагандѣ 1873—74 гг. Сидя въ тюрьмѣ, они много читали и учились и, по выходѣ на волю, горячо принялись за революціонную дѣятельность.

Вообще, пропагандисты среди рабочихъ пользовались большимъ успѣхомъ. Одни изъ нихъ читали очень много, другіе, какъ свидѣтельствуетъ Плехановъ, «не много и не мало, а треть», и предпочитали книжкѣ «умные разговоры» за стаканомъ чаю или за бутылкой пива. Въ общемъ, эта среда отличалась значительнымъ умственнымъ развитіемъ и высокимъ уровнемъ житейскихъ потребностей. Плехановъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что эти рабочіе жили нисколько не хуже, а многіе изъ нихъ даже гораздо лучше, чѣмъ студенты. Въ среднемъ каждый изъ нихъ зарабатывалъ отъ 1 р. 25 к. до 2 руб. въ день. На этотъ, сравнительно хорошій, заработокъ не легко было существовать семейнымъ, но холостые могли расходовать вдвое больше небогатаго студента. Были между ними и настоящіе богачи, зарабатывавшіе до 3 руб. въ день. Они занимали прекрасныя меблированныя комнаты, покупали

книги, любили побаловать себя бутылкой хорошаго вина, одѣвались франтами.

Впрочемъ, по свидѣтельству Плеханова, рабочіе одѣвались несравненно лучше, а, главное, чище и опрятнѣе студентовъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ для большихъ оказій хорошую черную пару и, когда облекался въ нее, то выглядѣлъ барином гораздо больше любого студента. Революціонеры изъ интеллигенціи часто и горько упрекали рабочихъ за «буржуазную» склонность къ франтовству. Рабочіе въ большинствѣ случаевъ раздѣляли взгляды интеллигенціи, державшейся того мнѣнія, что распропагандированные городскіе рабочіе должны идти въ деревню, чтобы дѣйствовать тамъ въ духѣ той или другой программы. Однако, по свидѣтельству Плеханова, городскіе рабочіе въ большинствѣ случаевъ оказывались непригодными для деревни, и сойтись съ крестьянами имъ было еще труднѣе, чѣмъ интеллигентнымъ революціонерамъ. Они смотрѣли на крестьянъ нѣсколько свысока.

Къ осени 1876 года въ Петербургѣ существовалъ уже весьма многочисленный кружокъ революціонеровъ, центромъ котораго были Маркъ и Ольга, супруги Натансонъ, Оболяшинъ, Соловьевъ. Лѣтомъ 1876 года въ Петербургъ возвратился изъ Кіева и занялъ видное мѣсто среди кружковъ А. Д. Михайловъ, ставшій къ этому времени, какъ самъ выражается, соціалистомъ-революціонеромъ. Вскорѣ въ Петербургѣ появились, съ одной стороны, Валеріанъ Осинскій и Боголюбовъ, командированные ростовскими кружками съ цѣлью завязать сношенія съ Петербургомъ, съ другой стороны, и Стефановичъ, желавшій получить при содѣйствіи петербургскихъ кружковъ оружіе для своей чигиринской организаціи. Начались переговоры по вопросу объ организаціи центра, который объединилъ бы и под-

чинилъ своему вліянію революціонные кружки молодежи, разбросанные по всей Россіи. Такимъ образомъ, возникло общество «Земля и Воля», названіе котораго было, по свидѣтельству В. Засуличъ, предложено Кравчинскимъ, появившимся въ Петербургѣ въ концѣ 1876 года. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ оставался здѣсь не долго и вскорѣ уѣхалъ въ Парижъ сопровождать какую-то больную пріятельницу. Послѣ этого онъ принялъ участіе въ беневентскомъ возстаніи и появился въ Петербургѣ вновь только въ началѣ 1878 года.

Во время переговоровъ по вопросу объ организаціи «Земли и Воли» и случилась знаменитая Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года, когда впервые былъ поднятъ красный флагъ съ надписью «Земля и Воля». Демонстрація окончилась арестами, вырвавшими изъ среды революціонеровъ Емельянова (Боголюбова).

Какъ разсказываетъ Антекманъ, въ концѣ ноября 1876 года, въ Ростовѣ-на-Дону получилось извѣстіе Валеріана Осинскаго изъ Петербурга о томъ, что переговоры съ кружкомъ Натансона уже закончены, и что необходимо, чтобы туда выѣхало еще нѣсколько членовъ ростовскаго кружка для выработки устава и программы общества. «Намъ писали также,—добавляетъ Антекманъ,—что въ общество вступилъ Дмитрій Лизогубъ». Это было очень важное извѣстіе, такъ какъ въ лицѣ Лизогуба общество пріобрѣтало не только беззавѣтно преданнаго революціоннаго дѣятеля, но и капиталиста, отдавшаго на революціонныя дѣла свои большія средства.

Изъ Ростова выѣхали въ Петербургъ и прибыли туда въ концѣ января 1877 года Антекманъ, Мищенко и революціонеръ, извѣстный подъ кличкой «Тигрыча». Они-то, совмѣстно съ представителями «сѣверной революціонно-народниче-

ской группы»: М. и О. Натансонами и Андреевымъ выработали программу общества. Авторомъ доклада по этому вопросу былъ Андреевъ.

«Въ моей памяти,—пишетъ Антекманъ,—хорошо врѣзалась обстановка этого вечерняго засѣданія. Небольшой, но уютный кабинетъ, зажженная лампа на столѣ, передъ столомъ въ креслѣ молодой, плотный господинъ, съ крупными, неправильными чертами лица и отчетливой, увѣренной рѣчью. Это былъ Андреевъ. Мы, харьковцы, размѣстились рядкомъ на диванѣ, противъ насъ на стульяхъ—Натансоны. Андреевъ началъ читать программу».

Программа Андреева касалась всѣхъ деталей агитаціи и организованности революціонныхъ кружковъ. Одновременно съ ней былъ выработанъ уставъ, носившій, впрочемъ, временный характеръ. Въ основу организаціи положенъ былъ строго и систематически проведенный принципъ централизаціи, съ вытекающей изъ него конспиративностью. Существованіе основного кружка сохранялось въ тайнѣ. Въ его члены принимался всякій революціонеръ-народникъ по рекомендаціи не менѣе трехъ членовъ основного кружка.

Поступая въ члены основного кружка, вновь принятый членъ тѣмъ самымъ бралъ на себя обязательство подчиняться всѣмъ его распоряженіямъ.

Членъ кружка, осуществляя на практикѣ цѣль и программу общества, организуя новыя секціи по образу и подобію основного кружка, обязанъ былъ отдавать отчетъ о своей дѣятельности основному кружку.

Новыя секціи, образованныя усиліями члена или членовъ основного кружка, сохраняли полную автономію въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ.

Въ виду возможной убыли членовъ основного кружка, основателю или основателямъ секціи

предоставлялось право привлекать къ кружку тѣхъ или другихъ членовъ секцій, согласно уставу.

Организація основного кружка состояла въ слѣдующемъ. Всѣ дѣла общества вѣдала администрація. Ея мѣстопребываніемъ обязательно долженъ былъ быть Петербургъ. Составъ ея мѣнялся, и члены ея выбирались по большинству голосовъ. Это была самая дѣятельная группа, не только управлявшая дѣлами общества, но служившая бюро для всевозможныхъ справокъ постороннимъ лицамъ. При ней состояла «небесная канцелярія» (фабрика фальшивыхъ паспортовъ). Администрація не могла сдѣлать ни одного серьезнаго шага, не испросивъ разрѣшенія «совѣта», въ составъ котораго, кромѣ администраціи, входили члены общества, постоянно или временно находившіеся въ Петербургѣ.

Пропагандой, агитаціей и организаціей въ средѣ учащейся молодежи завѣдывала интеллигентная группа, тою же дѣятельностью въ средѣ рабочихъ занималась рабочая группа, самая же многочисленная группа, основнымъ базисомъ дѣятельности которой была деревня, носила названіе «деревенщины». Кромѣ того, существовала еще особая группа, носившая названіе «дезорганизаторской» и преслѣдовавшая слѣдующія цѣли: освобожденіе изъ-подъ ареста товарищей, защиту отъ правительственнаго произвола. Членамъ этой группы вмѣнялось, между прочимъ, въ обязанность завязывать сношенія съ лицами, занимающими какое-либо оффиціальное положеніе, съ тѣмъ, чтобы при ихъ посредствѣ занимать различныя должности для революціонныхъ цѣлей.

Такъ какъ и раньше среди революціонеровъ имѣли мѣсто случаи измѣны и, слѣдовательно, ихъ можно было ожидать и въ будущемъ, то об-

щество возложило на дезорганизаторскую группу обязанность, въ случаѣ несомнѣнно доказанной измѣны того или другого, «изымать его изъ обращенія». Этой группѣ предоставлялись самыя широкія полномочія и значительныя матеріальныя средства. Администрація или совѣтъ должны были знать о предполагаемомъ дезорганизаторскомъ поступкѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, всякія же детали должны были оставаться въ глубокой тайнѣ.

Въ основной кружокъ входили: Маркъ Натансонъ, его жена, Оболешевъ, Александръ и Адріанъ Михайловы, Лизогубъ, Валеріанъ Осинскій, Александръ Квятковскій, Боголюбовъ (Емельяновъ), Михаилъ Поповъ, Плехановъ, Преображенскій, Трощанскій, Зунделевичъ, Баранниковъ, Андреевъ, Булановъ, Хошпинскій, Мищенко, Тютчевъ, Антекманъ, Игнатовъ и Бередниковъ.

Во главѣ кружка стоялъ Маркъ Натансонъ, дѣятельный организаторъ и весьма трудолюбивый человѣкъ. Благодаря его стараніямъ, «Землѣ и Волѣ» удалось завязать широкія сношенія, какъ въ обществѣ, такъ и среди молодой интеллигенціи, привести въ извѣстность всю массу одиночекъ-революціонеровъ того же направленія, что и общество, установить сношенія между Петербургомъ и югомъ и т. д.

Весною 1877 г. почти весь кружокъ народниковъ, вмѣстѣ съ десятками связанныхъ съ нимъ людей, двинулся «въ народъ».

Въ Самарѣ, Царицынѣ, на Уралѣ, въ Ростовѣ, на Кубани и, вообще, на юго-восточныхъ окраинахъ образовался рядъ поселеній, но центромъ ихъ былъ Саратовъ. Тамъ поселились: Юрій Богдановичъ, Николай Морозовъ, Иванчинъ-Писаревъ, служившій подъ фамиліей Кудряшева волостнымъ писаремъ въ Вольскомъ уѣздѣ, Александръ Михайловъ, Ольга Натансонъ и Вѣра Фигнеръ.

Александръ Михайловъ поселился въ нагорной части города, подъ видомъ торговца отъ старообрядцевъ. Онъ пріобрѣлъ широкія связи среди старообрядцевъ и буквально сдѣлался самъ старовѣромъ съ головы до ногъ. «Даже въ спорахъ съ радикалами, — пишетъ одинъ изъ современниковъ,—онъ постоянно сбивался нечаянно на цитаты изъ разныхъ сектантскихъ цвѣтниковъ».

«Я долженъ былъ во всемъ поддѣлываться подъ эту среду,—пишетъ Михайловъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ,—чтобы, стоя на одной съ нею почвѣ, имѣть возможность вліять на нее... Для интеллигентнаго человѣка это значитъ исполнять 10 тысячъ китайскихъ церемоній и исполнять ихъ естественно. Міръ раскола плѣнилъ меня своею самобытностью, сильнымъ развитіемъ духовныхъ интересовъ и самостоятельно-народной организаціей. Это—могучее государство въ чиновничьемъ государствѣ. Меня сильно манили тайники народно-общиннаго духа, область истинно-народной жизни и народнаго творчества. У меня образовались уже прочныя связи. Я могъ проникнуть уже и въ сибирскіе тайные скиты, и къ астраханскимъ общинамъ, и къ бѣгунамъ, и на Преображенское кладбище».

Михайловъ участвовалъ на одномъ изъ старообрядческихъ съѣздовъ, но его попытка склонить членовъ на революціонный путь не увѣнчалась успѣхомъ. Онъ самъ объясняетъ это, впрочемъ, тѣмъ, что ему пришлось оставить Саратовъ и переѣхать въ Петербургъ добывать средства для организаціи. У послѣдней, вообще, было мало денегъ, всего около 5 тыс. руб. въ годъ, и пропагандисты, которыхъ набралось въ Саратовѣ до 20 человѣкъ, буквально голодали.

Ольга Натансонъ занимала должность фельдшерицы и пріобрѣла въ Саратовѣ большія зна-

комства, какъ среди молодежи, такъ и интеллигентнаго общества, но въ серединѣ лѣта ей неожиданно пришлось возвратиться въ Петербургъ. Въ началѣ іюня былъ арестованъ въ Петербургѣ ея мужъ, Маркъ Натансонъ. За нимъ слѣдили по пятамъ и, наконецъ, поймали его на улицѣ. Агентъ, задержавшій Натансона, получилъ отъ него такую затрещину, что далеко отлетѣлъ прочь. Глава землевольцевъ пустился бѣжать и по дорогѣ успѣлъ даже передать попавшейся ему навстрѣчу революціонеркѣ бывшія при немъ важныя бумаги, но, въ концѣ-концовъ, агентъ, при содѣйствіи подоспѣвшей ему на помощь полиціи, догналъ и задержалъ его.

Послѣ ареста мужа Ольга Натансонъ сдѣлалась душою организаціи. При помощи Александра и Андріана Михайловыхъ и Оболешева она продолжала работать надъ развитіемъ организаціи съ неутомимою энергіею. Благодаря ея стараніямъ, къ участію въ организаціи примкнули окончательно: Перовская, Кравчинскій, Клеменсъ, Тихоміровъ и Морозовъ.

Еще до возвращенія Ольги Натансонъ и Михайлова въ Петербургъ общество «Земля и Воля» крѣпко стало на ноги, организовавъ рядъ поселеній въ Саратовской, Самарской, Нижегородской и Астраханской губерніяхъ, на Дону и Кубани. Всѣ эти поселенія были организованы приблизительно по одному плану, а именно: въ ближайшемъ городѣ облюбованной землевольцами для поселеній мѣстности устраивался «центръ», завѣдывавшій дѣлами мѣстной группы. Каждая изъ мѣстныхъ группъ представляла собою какъ бы снимокъ съ основного петербургскаго кружка: та же структура, тѣ же функціи. Надъ всѣми группами, въ качествѣ согласующаго и направляющаго центра, главенствовалъ петербургскій основной кружокъ.

Революціонеры отправлялись «въ народъ», по возможности, въ качествѣ чернорабочихъ, но положеніе бездомнаго батрака безусловно отрицалось, такъ какъ оно не могло внушить уваженія и довѣрія крестьянину, привыкшему почитать матеріальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность. Поэтому пропагандисты устраивались въ качествѣ всякаго рода мастеровыхъ, заводили фермы, мельницы, маслобойни, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ и т. д. Поселенія размѣщались, по преимуществу, въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не заглохли въ массѣ традиціи протеста, борьбы.

Громадное большинство землевольцевъ жило съ фальшивыми паспортами. «Небесная канцелярія» стояла на высотѣ своего призванія, и документы, изготовляемые ею, были своего рода шедеврами. Она не только фабриковала крестьянскіе и мѣщанскіе виды на жительство, но и прекрасные свидѣтельства, дипломы и аттестаты на званія фельдшеровъ, учителей, акушерокъ и т. д. Землевольцы особенно любили занимать мѣста писарей и учителей, такъ какъ это давало возможность погрузиться въ самую гущу народной жизни.

Въ Саратовѣ землевольцы устроили коммуну, общую квартиру на Камышинской улицѣ, гдѣ собирались всѣ товарищи въ свободное отъ текущей работы время. На этой квартирѣ въ началѣ августа было получено извѣстіе объ истязаніи Боголюбова и избіеніи политическихъ заключенныхъ въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія. «Стонъ раздался въ партіи»,—пишетъ по этому поводу Антекманъ.

Боголюбовское дѣло не остановило работы землевольцевъ. Михайловъ выработалъ подробную программу или проектъ организаціи посе-

лепій съ указаніемъ на картѣ Саратовской губерніи тѣхъ пунктовъ, которые должны быть заселены. При этомъ давались самыя детальныя указанія по вопросу о томъ, по какому тракту должны совершаться поиски мѣстъ и по какому тракту должны слѣдовать поселенцы обратно, если бы по какимъ-либо пунктамъ требовалось «замести слѣды искателей мѣстъ». Отъ поселенцевъ требовалось, чтобы они на практикѣ дополняли предварительныя указанія собственными, почерпнутыми изъ опыта соображеніями.

Впрочемъ, какъ свидѣтельствуетъ Антекманъ, спросъ на мѣста значительно превышалъ предложенія. Жаждущихъ и ищущихъ мѣстъ было много, самихъ же мѣстъ мало. Саратовская коммуна сильно возросла численно. Съ юга и Кубани все пребывали новые члены «Земли и Воли», съ цѣлью заселенія саратовскаго края. Сильное увеличеніе коммуны обратило на себя вниманіе, какъ хозяевъ, такъ и сосѣдей. «Что это за люди, ужъ не фальшиво-монетчики-ли?», такъ и читалось въ глазахъ сосѣдей. Вскорѣ противъ окопъ коммуны устроили себѣ постъ два шпіона. Приходилось принимать мѣры, произвести форсированное разрѣженіе коммуны, но къ этому времени матеріальныя средства народовольцевъ настолько оскудѣли, что многимъ не на что было выѣхать изъ Саратова. Было созвано общее собраніе членовъ секціи, на которомъ было рѣшено, что нѣкоторые члены сейчасъ же должны оставить Саратовъ. Коммуну было рѣшено упразднить, предупредивъ объ этомъ заблаговременно иногородних и деревенскихъ товарищей. Но коммуна успѣла привести свое рѣшеніе въ исполненіе только отчасти. Антекманъ, Мищенко, Хошинскій и Плехановъ выѣхали изъ Саратова, но въ одинъ прекрасный день на коммуну нагрянула по-

лиція. Богоразъ, Бураковъ. Новицкая, Брещинская, Корсакъ и Хошинскій были арестованы. Въ квартирѣ Брещинской была устроена засада, и тамъ былъ арестованъ Плехановъ. У него въ карманѣ было два паспорта, одинъ его, другой—запасной. По дорогѣ въ участокъ онъ успѣлъ выронить одинъ изъ паспортовъ, но это замѣтилъ какой-то прохожій, поднялъ бумагу и любезно передалъ ее Плеханову со словами: «Господинъ, это вы изволили уронить».

Впрочемъ, Плехапову на этотъ разъ повезло. Помощникъ пристава отправился съ нимъ на его квартиру, произвелъ тамъ весьма поверхностный обыскъ и, взявъ съ него подписку явиться въ участокъ на слѣдующій день, отпустилъ его. Это предупредило дальнѣйшіе аресты, такъ какъ Плехановъ принялъ надлежащія мѣры и оповѣстилъ товарищей о происшедшемъ. Что касается участи арестованныхъ, то всѣ они, за исключеніемъ Новицкой и Корсака, были вскорѣ освобождены за отсутствіемъ какихъ-либо уликъ. Корсакъ былъ отправленъ на родину этапнымъ порядкомъ, Новицкая была отдана подъ судъ за проживательство подъ вымышленнымъ именемъ съ фальшивымъ паспортомъ. Судъ ее оправдалъ.

Слѣдствіемъ разгрома была совершенная дезорганизація саратовскаго центра; поселенія остались безъ главы, и понемногу всѣ «деревенщики» разбрелись врозь. Осталась лишь небольшая кучка твердыхъ и непоколебимыхъ. Саратовская организація распалась, не просуществовавъ и года. Причиною крушенія были, впрочемъ, не столько правительственныя гоненія, сколько недостатокъ матеріальныхъ средствъ и вліятельныхъ связей. Послѣднее обстоятельство затормозило разселеніе землевольцевъ по деревнямъ, вызвало скопленіе ихъ въ городѣ, что и обратило на себя вниманіе властей, усилило ихъ бдительность.

Почти одновременно съ саратовскою погибли и другія поселенія: нижегородское, во главѣ котораго стоялъ Квятковскій, и самарское (кружокъ Богдановича, Соловьева и Иванчинъ-Писарева).

Большимъ успѣхомъ пользовалась пропаганда на югѣ, гдѣ Стефановичу чуть-было не удалось вызвать возстанія среди чигиринскихъ крестьянъ.

Харьковско-ростовскій кружокъ устроилъ нѣсколько поселеній на югѣ. Такъ, содержателю почты между Мелитополемъ и Бердянскомъ, Хошинскому, брату извѣстнаго землевольца, было поручено засѣять десять десятинъ земли, уборку которыхъ должны были произвести революціонеры съ цѣлью научиться земледѣльческимъ работамъ. Организацію работъ взялъ на себя Быковцевъ. Мелитопольская группа земледѣльцевъ состояла исключительно изъ мужчинъ. Другая группа, состоявшая изъ мужского и женскаго персонала, отправилась на работы въ Ростовскій уѣздъ, гдѣ руководилъ ими Илья Поповъ. Работы въ Мелитополѣ сошли благополучно. Крестьяне ломали себѣ голову надъ тѣмъ, что за люди эти, Богъ знаетъ откуда появившіеся косари, очевидно, первый разъ въ жизни взявшіе въ руки косу и грабли.

Такъ какъ задачею компаніи, работавшей въ полѣ близъ Мелитополя, было лишь научиться сельскимъ работамъ подъ руководствомъ такихъ людей, какъ Быковцевъ, съ дѣтства знакомый съ этимъ трудомъ, то она не считала нужнымъ симулировать заправскихъ рабочихъ. Колонія не заставляла себя выходить на работы чуть свѣтъ, одновременно съ настоящими рабочими, косившими по сосѣдству. Они выходили на работу около 8 часовъ утра, особенно послѣ того, когда одинъ изъ косарей, Иванъ Левитскій, объявилъ будившему его Быковцеву, что у него ребро зашло за ребро, болятъ спина и бокъ, и встать онъ поло-

жительно не можетъ. Все это вызывало улыбки и удивленіе среди сосѣднихъ крестьянъ, которые, въ концѣ-концовъ, рѣшили, что странные рабочіе «мабудь заграничны вермены», то-есть заграничные армяне; на томъ и порѣшили. Полиція не придиралась къ поселенцамъ.

Не такъ гладко сошла затѣя научиться земледѣльческимъ работамъ въ Ростовскомъ уѣздѣ, гдѣ руководилъ дѣломъ Илья Поповъ. Началось съ того, что къ отцу Попова, сельскому священнику, пріѣхалъ становой и завелъ съ нимъ разговоръ слѣдующаго содержанія:

— Скажите мнѣ, батюшка, ну, я понимаю, говорятъ графиня Воронцова, своими руками и копала, и полола, словомъ, занималась чернымъ трудомъ; это, я понимаю, дѣлала она для спасенія души, скажемъ такъ: богоугоднымъ дѣломъ занималась. Ну, а вотъ у Ильи Родіоновича работаютъ въ полѣ студенты и дѣвицы какія-то,— это чѣмъ объяснить?

— Какіе же «какіе-то»?—переспросилъ священникъ.—Тамъ работаетъ и моя дочь, товарки ея по гимназіи, студенты, товарищи сына Ильи, и имъ знакомыя студентки. Я не понимаю, что васъ удивляетъ, Іосифъ Васильевичъ? Для меня ничего въ этомъ нѣтъ удивительнаго. Я даже, смотря на нихъ, радуюсь, думаю: пусть себѣ поработаютъ на свѣжемъ воздухѣ, запасаются на зиму силами. Вѣдь въ Петербургѣ-то, въ сырыхъ квартирахъ здоровья не наживешь, ну и пусть нашъ благодатный югъ освѣжитъ ихъ здоровье.

— Нѣтъ, отецъ Родіонъ, это не то,—возражалъ становой.—Вотъ отправлюсь я сюда самъ, возьму косу, и пусть они отъ пѣтуховъ до пѣтуховъ потянутъ за мной,—небось скоро бросили бы.

— А вы, Іосифъ Васильевичъ, когда-нибудь косили?

— Нѣтъ, не приходилось, да ужъ ради этого понатужился бы.

На томъ пока и кончились разговоры, но полиція не оставила въ покоѣ косарей. Изъ среды работавшихъ студентки: Конопля, Вогомачъ, сестры Товбичъ и Бутенко занимали крестьянскую избу, гдѣ и жили. Однажды, когда онѣ работали въ полѣ, къ хозяйкѣ ихъ явилось гороховое пальто и попросило ее напоить его чаемъ, пока придетъ поѣздъ изъ Владикавказа въ Ростовъ. Хозяйка отвѣчала, что собственнаго самовара у нея нѣтъ, а самоваромъ барышень она не смѣетъ распоряжаться въ ихъ отсутствіи. Хозяйка сообразила, кто такой таинственный посѣтитель, и прогнала его. Ея примѣру послѣдовала и другая крестьянка, у которой хотѣлъ устроиться какой-то сыщикъ съ цѣлью присматривать за странными рабочими.

Вскорѣ начальникъ телеграфной конторы въ Новочеркасскѣ, Гартманъ, сообщилъ ростовскому кружку, что между ростовскимъ жандармскимъ и донскимъ воинскимъ управленіями идутъ переговоры о необходимости произвести обыскъ у сына священника, работающаго на землѣ, принадлежащей войску донскому. Одинъ изъ членовъ кружка, Осипычъ, желая пріѣхать въ Самарскъ (названіе села, гдѣ обитали революціонеры) раньше жандармовъ, отправился въ тотъ же день по желѣзной дорогѣ, поскакавъ туда на извозчикѣ. Колонія находилась тогда въ полѣ, и въ ея отсутствіе пріѣзжій вмѣстѣ съ Михаиломъ Поповымъ очистили ихъ квартиру, унеся въ безопасное мѣсто всѣ подозрительныя книги и вещи. Ильѣ Попову было послано немедленно письмо, въ которомъ революціонеры предупреждались о грозившей имъ опасности. Имъ совѣтовалось, не возвращаясь домой, отправиться пароходомъ

прямо въ Таганрогъ, а оттуда разъѣхаться во всѣ стороны.

Съ вечернимъ поѣздомъ, дѣйствительно, въ Самарскъ нагрянули жандармы. Желая поймать виновныхъ на мѣстѣ преступленія, они отправились въ поле, гдѣ, вмѣсто нигилистовъ-пропагандистовъ, арестовали четырехъ дѣвушекъ-казачекъ, шедшихъ на работы. Подъ стражей, въ спеціальномъ вагонѣ, ихъ отправили въ Ростовъ, куда были вызваны ихъ отцы, удостовѣрившіе, что арестованныя, дѣйствительно, казачки, а не пропагандистки.

Послѣ этого случая продолжать работы въ полѣ было, конечно, невозможно, и вся компанія разъѣхалась.

Вообще, по свидѣтельству М. Р. Попова, какъ въ Ростовѣ-на-Дону, такъ и въ окрестностяхъ его обстоятельства сложились довольно благопріятно для землевольцевъ. Недалеко отъ Ростова, въ землѣ войска донского, былъ заведенъ хуторъ, гдѣ укрывались члены организаціи во время усиленнаго розыска ихъ и всего, что носило характеръ «нелегальщины». Въ Ростовѣ-на-Дону оказывала землевольцамъ всякія услуги семья Осинскихъ, изъ которыхъ Валеріанъ и его братъ служили въ городской управѣ. Справочнымъ бюро для пріѣзжавшихъ былъ угольный складъ одного изъ хорошихъ знакомыхъ Попова.

Революціонная дѣятельность въ Ростовѣ развивалась непрерывно, безъ всякихъ разгромовъ. Многолюдныя сходки рабочихъ собирались на открытомъ воздухѣ лѣтомъ. Правда, Гартманъ, принадлежавшій къ ростовскому кружку, былъ арестованъ, но это произошло внѣ Ростова, въ Екатеринодарѣ. Пропагандистамъ удалось добиться освобожденія Гартмана, котораго взялъ на поруки одинъ священникъ.

Въ Ростовѣ-на-Дону были двѣ конспиративныя квартиры: Михаила Попова и сапожная мастерская Титыча. Жандармы собирались уже нагрянуть туда, но начальникъ жандармскаго управленія на одномъ вечерѣ проговорился какъ-то за картами, что въ Ростовѣ ведется противоправительственная пропаганда и что на-дняхъ будутъ произведены аресты. При разговорѣ присутствовалъ одинъ священникъ, который тотчасъ же сообщилъ эту новость отцу Попову, тоже священнику, а этотъ послѣдній предупредилъ сына.

Узнавъ о грозившей имъ опасности, землевольцы въ тотъ же день закрыли конспиративныя квартиры. Одинъ изъ пропагандистовъ, Ильяшенко, находился какъ разъ въ домѣ хозяина квартиры, въ которой помѣщалась сапожная мастерская, и расплачивался съ нимъ, когда хозяйка увидѣла въ окно жандармовъ, явившихся арестовать сапожниковъ. Хозяйка указала Ильяшенкѣ кладовую, гдѣ онъ могъ спрятаться, и вышла навстрѣчу жильцамъ. Жандармы спросили, кто живетъ въ этомъ флигелѣ? Хозяйка отвѣтила, что тамъ жили три сапожника, но наканунѣ вечеромъ оставили квартиру и уѣхали, кажется, въ Харьковъ. Послѣ этого, конечно, всѣ землевольцы, разыскиваемые полиціею, разъѣхались въ разныя стороны. Вскорѣ, по доносу рабочаго Никонова, былъ произведенъ арестъ многихъ изъ рабочихъ владикавказской желѣзной дороги, среди которыхъ велась особенно успѣшно пропаганда. Къ концу работъ въ мастерскихъ у воротъ помѣстились жандармы и арестовали свыше 50 человѣкъ по указаніямъ Никонова.

III.

Вѣра Засуличъ.—Ея знакомство съ Нечаевымъ.—Скитаніе по тюрьмамъ.—Покушеніе на Трепова.—Дѣло Засуличъ.—Показанія свидѣтелей.—Рѣчь тов. прокурора Кесселя. — Рѣчь Александрова. — Изъ воспоминаній Федорова. Демонстрація послѣ суда надъ В. Засуличъ. —Сидорацкій. — Изъ воспоминаній кн. Мещерскаго.

Выше мы уже отмѣчали неоднократно, какое впечатлѣніе произвела на землевольцевъ расправа Трепова съ Боголюбовымъ. Во всѣхъ поселеніяхъ одновременно раздался общій крикъ о мести. Къ зимѣ 1877 г. въ Петербургъ прибыли съ юга спеціально съ цѣлью отомстить за товарища: Валеріанъ Осинскій, Полко и еще два революціонера. Было предложено нѣсколько плановъ мести, но всѣ они были сданы въ архивъ, такъ какъ исполнить актъ мести взялась В. И. Засуличъ.

До сихъ поръ это имя упомянуто нами только одинъ разъ, въ очеркѣ, посвященномъ Нечаеву, и, дѣйствительно, Засуличъ не принимала никакого участія въ движеніи начала семидесятыхъ годовъ. Біографическія данныя о Вѣрѣ Засуличъ не отличаются обиліемъ фактовъ. Она дочь капитана, рано лишилась отца, жила съ матерью, на 17-мъ году жизни окончила образованіе въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, послѣ чего З. выдержала съ отличіемъ экзаменъ на званіе домашней учительницы и состояла нѣкоторое

время письмоводителемъ у мирового судьи въ Серпуховѣ. Осенью 1868 г. Вѣра Засуличъ переѣхала въ Петербургъ и поселилась съ матерью на Петербургской сторонѣ. Здѣсь она училась переплетному мастерству и, кромѣ того, ходила въ школу для учителей, чтобы обучиться звуковому способу преподаванія. Въ учительской школѣ З. познакомилась случайно съ Нечаевымъ. Принимая во вниманіе характеръ и методъ дѣйствій послѣдняго, можно положительно утверждать, что она не имѣла ни малѣйшаго представленія о цѣляхъ и замыслахъ Нечаева и считала его обыкновеннымъ студентомъ, игравшимъ нѣкоторую роль во время волненій въ университетѣ.

Услуги, оказываемыя Засуличъ Нечаеву, не выходили изъ разряда самыхъ обыкновенныхъ любезностей. Она передавала по адресу различныя его письма, причемъ, навѣрно, не знала ихъ содержанія. Тѣмъ не менѣе, въ апрѣлѣ 1869 г. сначала у нея былъ произведенъ обыскъ, а затѣмъ она была арестована въ Москвѣ, на вокзалѣ, куда поѣхала съ матерью на лѣто, на дачу.

Съ тѣхъ поръ начинаются скитанія Вѣры Засуличъ. Она просидѣла годъ въ Литовскомъ замкѣ и годъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ большие года ее никуда не вызывали и ни о чемъ не допрашивали. Только въ мартѣ 1876 г. ее, наконецъ, освободили, но, спустя недѣлю, она была опять арестована и отправлена въ пересыльную тюрьму. Ее навѣщали тамъ мать, сестра, носили ей лакомства и книги, въ полной увѣренности, что не сегодня, завтра ее освободятъ. Но на пятый день задержанія ей было объявлено: «пожалуйте, васъ сейчасъ отправятъ въ городъ Крестцы».

Всѣ просьбы отложить высылку на день, другой, дать возможность извѣстить о ссылкѣ родныхъ, запастись платьемъ, деньгами, оказались

напрасными. Въ одномъ платьѣ, въ легкомъ бурнусѣ, ее отправили въ ссылку. Пока ѣхали по желѣзной дорогѣ, было сносно, но затѣмъ ее повезли на почтовыхъ, въ кибиткѣ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.

Въ легкомъ бурнусѣ стало невыносимо холодно. Жандармъ снялъ шинель и одѣлъ барышню. Привезли ее въ Крестцы и сдали исправнику, который объявилъ Засуличъ: «Идите, вы не арестованы, я васъ не держу. Идите, но по субботамъ являйтесь въ полицейское управленіе, такъ какъ вы состоите у насъ подъ надзоромъ.

Вѣра Засуличъ очутилась въ неизвѣстномъ городѣ. Ея рессурсы состояли: рубль денегъ, французская книжка и коробка шеколадныхъ конфектъ. Нашелся добрый человѣкъ, дьячекъ, который помѣстилъ ее въ своемъ семействѣ. Началась бродящая жизнь женщины, находящейся подъ надзоромъ полиціи. Такъ какъ въ Крестцахъ не представлялось возможности найти какое-нибудь занятіе, то она подала прошеніе о разрѣшеніи ей переѣхать въ Тверь, что и было ей разрѣшено. Изъ Твери она была выслана въ Сольгаличъ, оттуда въ Харьковъ. Часто у нея производились обыски, неоднократно ее задерживали, но, наконецъ, власти позабыли о Вѣрѣ Засуличъ, и она перестала являться каждую недѣлю въ полицію.

Тогда, впрочемъ, контрабаднымъ порядкомъ, Засуличъ возвратилась въ Петербургъ. Извѣстіе о наказаніи Боголюбова она прочла въ «Голосѣ» въ Пензенской губ., гдѣ находилась лѣтомъ 1877 г. съ дѣтьми своей сестры. Это извѣстіе произвело на Вѣру Засуличъ самое удручающее впечатлѣніе. Боголюбовъ не только не былъ женихомъ Засуличъ, какъ это полагали многіе, но она даже никогда не видала и не знала его.

По выраженію Александрова, «онъ былъ по-

литическій арестантъ, и въ этомъ словѣ было для нея все. Политическій арестантъ не былъ для Засуличъ отвлеченное представленіе, вычитываемое изъ книгъ, знакомое по слухамъ, по судебнымъ процессамъ, представленіе, возбуждающее въ честной душѣ чувство сожалѣнія. сострадапія, сердечной симпатіи. Политическій арестантъ былъ для Засуличъ—горькое воспоминаніе ея собственныхъ страданій, ея тяжкаго нервнаго возбужденія, постоянной тревоги, томительной неизвѣстности... Политическій арестантъ былъ ея собственное сердце, и всякое грубое прикосновеніе къ этому сердцу болѣзненно отзывалось на ея возбужденной натурѣ».

Въ сентябрѣ 1877 г. Вѣра Засуличъ возвратилась въ Петербургъ, 24-го же января 1878 г., въ 10 час. утра, имѣлъ мѣсто слѣдующій случай. Надворный совѣтникъ Гречъ, маіоръ Курнѣевъ, тотъ самый, который исполнялъ обязанности начальника дома предварительнаго заключенія въ то время, когда тамъ была совершена экзекуція надъ Боголюбовымъ, и дежурный помощникъ пристава Цуриковъ ввели просителей въ пріемную комнату градоначальника Трепова. Просителей было 12—15 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находилась молодая дѣвушка, закутанная въ тальму. Она назвалась дворянкой Козловой и собиралась подать прошеніе о выдачѣ ей свидѣтельства о благонадежности.

Когда въ пріемную вышелъ градоначальникъ, то онъ, прежде всего, подошелъ къ какой-то старушкѣ, затѣмъ обратился къ Козловой, принялъ у нея прошеніе, сказалъ ей нѣсколько словъ и обратился къ третьей просительницѣ. Козлова не удалялась, и Курнѣевъ сдѣлалъ ей глазами знакъ, чтобы она уходила. Она сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла уходить, но въ это время грянулъ выстрѣлъ. Генералъ Треповъ пошатнул-

ся и сталъ падать, держась рукою за бокъ. Курнѣевъ и Цуриковъ бросились къ Козловой. Одинъ изъ нихъ схватилъ ее за руку, другой за плечи. Стрѣлявшая была выведена въ сосѣднюю комнату. Она оказалась Вѣрою Засуличъ.

Дѣло по обвиненію Засуличъ въ покушеніи на жизнь петербургскаго градоначальника слушалось 31-го марта 1878 г. въ засѣданіи 1-го отдѣленія петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Предсѣдательствовалъ А. Ф. Кони, обвинялъ тов. прокурора Кессель, защищалъ прис. пов. Александровъ.

Обвинительный актъ по этому знаменитому дѣлу отличается большою сжатостью. Онъ излагалъ вкратцѣ событіе 24-го января и требовалъ признанія Засуличъ виновною по 9 и 1454 ст.ст. улож. о нак.

Слѣдствіе было открыто допросомъ маіора Курнѣева, очевидца покушенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтеля и исполнителя экзекуціи надъ Боголюбовымъ. Курнѣевъ утверждалъ, что Боголюбовъ при встрѣчѣ съ градоначальникомъ не снялъ шапки, что распоряженіе о наказаніи розгами послѣдовало послѣ того, какъ тюрьма стала бунтовать, что Треповъ, уѣхавъ изъ тюрьмы, прислалъ по этому поводу письменное распоряженіе.

Въ качествѣ свидѣтелей со стороны защиты для выясненія во всѣхъ деталяхъ происшествія 13-го іюля, были допрошены: Петропавловскій, Голоушевъ и Чарушина (урожденная Кувшинская). Особенно сильное впечатлѣніе произвело показаніе послѣдней. Чарушина помѣщалась въ одной изъ камеръ верхняго этажа тюрьмы, откуда прекрасно видѣнъ выходной дворъ. Она разсказала, что въ этотъ ужасный день, прежде всего, въ женское отдѣленіе стали доноситься изъ мужского шумъ, гулъ, крики. Затѣмъ нача-

лось необыкновенное движеніе, начали ходить толпы городовыхъ. Противъ окопъ женскаго отдѣленія, на проходномъ дворѣ, находились два сарая. Вдругъ двери раскрылись, и оттуда вытащили огромныя вязанки розгъ и начали дѣлать изъ нихъ небольшіе пучки. Стало ясно, что готовится что-то тяжелое. Всѣ начали догадываться, что готовится экзекуція...

Въ женскомъ отдѣленіи началось волненіе. Раздались голоса, требованія, чтобы пришелъ кто-нибудь изъ администраціи объяснить, что значатъ эти приготовленія. Отвѣта не послѣдовало, но розги уже не вязались болѣе во дворѣ, но въ сараѣ. Когда ихъ пронесли черезъ дворъ, то прикрывали фалдами или полами платья...

Въ заключеніе слѣдствія были допрошены эксперты: Склифасовскій, Барчъ, Дунканъ, Баталинъ и Богдановскій, которые высказали единогласное мнѣніе, что выстрѣлъ былъ произведенъ Вѣрою Засуличъ въ упоръ и что рана генерала Трепова принадлежитъ къ разряду тяжкихъ. Въ моментъ процесса состояніе больного сравнительно удовлетворительно, но рана еще гноится, и пуля, оставшаяся въ тѣлѣ, можетъ образовать затекъ или инымъ образомъ подвергнуть жизнь больного опасности.

Тов. прокурора Кессель, по признанію самого защитника Вѣры Засуличъ, произнесъ благородную, сдержанную рѣчь. Онъ обвинялъ Засуличъ въ томъ, что она имѣла заранѣе обдуманное намѣреніе лишить жизни генерала Трепова и что объясненіе ея, будто бы для нея было безразлично, убить или ранить Трепова, не заслуживаетъ довѣрія. Въ доказательство обвинитель приводилъ, главнымъ образомъ, тотъ фактъ, что, отправляясь въ пріемную Трепова, она запаслась самымъ сильнымъ револьверомъ, какіе только имѣлись въ продажѣ. Въ то время былъ извѣ-

стенъ только одинъ родъ револьверовъ, сильнѣе «бульдога», изъ котораго стрѣляла Засуличъ, но эти послѣдніе употреблялись только для медвѣжьей охоты и очень длинны.

Что касается Боголюбовской исторіи, то Кессель заявилъ, что ни порицать, ни защищать дѣйствія Трепова онъ не будетъ. «Я вполнѣ вѣрю —говорилъ прокуроръ,—что тѣ факты, которые Засуличъ выставляетъ, какъ мотивъ своего поступка, представились ей въ томъ видѣ, въ какомъ она излагала ихъ на судѣ. Я вѣрю и въ тѣ чувства, о которыхъ она говорила. Я не желаю сказать этимъ, что признаю raison d'être, правильность или неправильность этихъ чувствъ. Я просто принимаю ихъ, какъ факты, исходящіе изъ того общаго положенія, что каждый человѣкъ воленъ имѣть тѣ чувства, тѣ симпатіи и антипатіи, какія ему угодно. Никто не можетъ требовать отъ человѣка отчета въ его чувствахъ, и судъ, менѣе чѣмъ кто-либо другой, имѣетъ права, средства и желанія требовать такого отчета... Всякій воленъ любить и ненавидѣть кого ему угодно, но никто не можетъ нарушать чужихъ правъ. Всякій человѣкъ, имѣющій здравый разсудокъ, долженъ понимать, что нельзя выражать свои чувства въ такихъ дѣйствіяхъ, въ какихъ выразила ихъ Засуличъ, всякій долженъ понимать, что такого рода дѣйствія, какъ дѣйствія Засуличъ, ведутъ не къ благу общества, а къ тому, что на мѣсто разрушенныхъ чувствъ и той мудрости сердца, къ которымъ всѣ мы обязаны стремиться—права гражданства въ жизни получаютъ грубые инстинкты, ведущіе къ общественной дезорганизаціи».

Прокуроръ указалъ, что дѣйствія Засуличъ не могутъ считаться нравственными, что дурное средство, употребляемое для достиженія благой цѣли, само является фактомъ, подлежащимъ

уничтоженію, и закончилъ свою рѣчь такимъ образомъ:

«Самоувѣренно предположивъ, что ея взглядъ вполнѣ солидаренъ со взглядами общества, получивъ о Боголюбовскомъ дѣлѣ свѣдѣнія отъ лицъ, не бывшихъ очевидцами этого событія, то-есть изъ третьихъ рукъ, Засуличъ нашла возможнымъ устроить какой-то тайный судъ надъ лицомъ, сдѣлавшимъ извѣстныя распоряженія. Устроивъ тайный судъ, она сочла возможнымъ соединить въ своемъ лицѣ и прокурора, и защитника, и судью. Она считала возможнымъ постановить смертный приговоръ, который она же, молодая женщина, привела въ исполненіе, къ счастію, неудавшееся. Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобнаго рода средства непреступны. Я вполнѣ увѣренъ въ вашемъ согласіи съ тѣмъ, что каждый общественный дѣятель, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ право на судъ законный, а не на судъ Засуличъ. Я увѣренъ также въ нашемъ согласіи, что никакая общественная жизнь, никакая общественная организація невозможны тамъ, гдѣ общественные дѣятели, администраторы, судьи, земскіе дѣятели, публицисты, вынуждены были бы помнить, что, какъ бы они ни поступали, на нихъ все-таки будетъ направленъ револьверъ. Я думаю, что эти общественные дѣятели имѣютъ право на то, на что имѣетъ права каждый человѣкъ, право на жизнь».

Защитникъ Вѣры Засуличъ началъ свою рѣчь съ комплимента по адресу обвинителя, признавъ его рѣчь сдержанной, благородной. Онъ сказалъ, далѣе, что самоуправное убійство, несомнѣнно, преступленіе, но что событіе 24-го января не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ событія 13-го іюля. Поэтому защитникъ перешелъ къ описанію расправы съ Боголюбовымъ, изло-

жилъ исторію Вѣры Засуличъ и закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

«Господа присяжные засѣдатели! Не въ первый разъ на этой скамьѣ преступленій и тяжелыхъ душевныхъ страданій является предъ судомъ общественной совѣсти женщина по обвиненію въ кровавомъ преступленіи.

«Были здѣсь женщины, смертью мстившія своимъ соблазнителямъ, были женщины, обагрившія руки въ крови измѣнившихъ имъ любимыхъ людей или своихъ счастливыхъ соперницъ. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То былъ судъ правый, откликъ суда божественнаго, который взираетъ не на внѣшнюю только сторону дѣяній, но и на внутренній ихъ смыслъ, на дѣйствительную преступность человѣка. Тѣ женщины, совершая кровавую расправу, боролись и мстили за себя».

«Въ первый разъ является здѣсь женщина, для которой въ преступленіи не было личныхъ интересовъ, личной мести, женщина, которая со своимъ преступленіемъ связала борьбу за идею, во имя того, кто былъ ей только собратомъ по несчастію всей ея молодой жизни. Если этотъ мотивъ проступка окажется менѣе тяжелымъ на вѣсахъ общественной правды, если для блага общаго, для торжества закона, для общественной безопасности, нужно призвать кару законную, тогда да совершится ваше карающее правосудіе. Не задумывайтесь! Не много страданій прибавитъ вашъ приговоръ для этой надломленной, разбитой жизни. Безъ упрека, безъ горькой жалобы, безъ обиды приметъ она отъ васъ рѣшеніе ваше и утѣшится тѣмъ, что, можетъ быть, ея страданія, ея жертва предотвратили возможность повторенія случая, вызвавшаго ея поступокъ. Какъ бы мрачно ни смотрѣть на этотъ посту-

покъ, въ самыхъ мотивахъ его нельзя не видѣть честнаго и благороднаго порыва.

«Да, она можетъ выйти отсюда осужденной, но она не выйдетъ опозоренною, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины, производящія подобныя преступленія, порождающія подобныхъ преступниковъ».

Реплики въ отвѣтъ на рѣчь защитника не послѣдовало. Вѣра Засуличъ отъ послѣдняго слова отказалась. Предсѣдатель разъяснилъ присяжнымъ въ своемъ резюмэ, что такое убійство, покушеніе, эксперты и т. д. Присяжные удалились для совѣщанія и около 7 час. вечера вынесли короткую резолюцію: «Нѣтъ, не виновна», и А. Ф. Кони объявилъ: «Подсудимая Засуличъ, вы свободны. Судъ сдѣлаетъ немедленно распоряженіе о вашемъ освобожденіи изъ-подъ ареста». Раздались аплодисменты.—Среди публики находился, между прочимъ, и начальникъ дома предварительнаго заключенія Федоровъ. Рѣчь Александрова произвела на него глубокое впечатлѣніе. «Я не пропускалъ ни одного политическаго процесса,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—слышалъ всѣхъ лучшихъ защитниковъ, какъ-то: Спасовича, Лохвицкаго, Герарда, Утина, Турчанинова, Потѣхина и друг., но никто изъ нихъ не говорилъ такъ сильно, убѣдительно, захватывая за душу, какъ Александровъ, защитникъ Засуличъ. Впервые я тогда слышалъ на судѣ взрывъ аплодисментовъ, не только со стороны обыкновенныхъ смертныхъ, переполнявшихъ залъ и хоры, но и среди лицъ, сидѣвшихъ за судейскими креслами, изъ которыхъ на многихъ виднѣлись звѣзды. Слѣдовательно, впечатлѣніе было общее».

Александровъ былъ предметомъ бурной овацiи не только въ залѣ суда, но и на улицѣ, гдѣ къ 7 час. вечера собралась громадная толпа народа.

Публика, съ криками «браво», подняла Александрова на руки и пронесла по улицѣ. Она собралась затѣмъ передъ домомъ предварительнаго заключенія въ ожиданіи оправданной.

Какъ видно изъ воспоминаній Федорова, Вѣра Засуличъ, имѣвшая полную возможность послѣ того, какъ жандармскій офицеръ скомандовалъ «сабли въ ножны» и снялъ часовыхъ, совершенно безпрепятственно выйти на улицу, сочла почему-то нужнымъ отправиться въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ пила чай и занималась уборкою своихъ вещей. Федоровъ возвратился въ окружный судъ и сообщилъ объ этомъ прокурору судебной палаты, который сказалъ ему, какъ бы въ видѣ совѣта, что, до полученія предписанія, ему слѣдовало бы воздержаться съ освобожденіемъ Засуличъ.

Федоровъ отправился въ домъ предварительнаго заключенія, у входа котораго продолжала стоять огромная возбужденная толпа, но не прошло и четверти часа, какъ получилось письменное предписаніе суда о немедленномъ освобожденіи Вѣры Засуличъ. Одновременно участковый приставъ передалъ Федорову просьбу предсѣдателя суда, Кони, о томъ, чтобы Засуличъ была выпущена не на Шпалерную, но на Захарьевскую улицу, во избѣжаніе демонстраціи. Федоровъ излагаетъ подробно мотивы, которыми онъ руководствовался, не исполнивъ распоряженія предсѣдателя, но мы ограничимся приведеніемъ первой, главной: на Захарьевскую улицу не было выхода изъ тюрьмы. Здѣсь намъ остается еще только отмѣтить, что Федоровъ пострадалъ за эту исторію: онъ былъ отправленъ на гауптвахту на семь дней. Хотя генералъ Козловъ, исполнявшій обязанности градоначальника, за болѣзнью Трепова, объявилъ Федорову, въ видѣ утѣшенія, что онъ немедленно представляется къ слѣдующему орде-

ну и что онъ на лѣто будетъ уволенъ въ отпускъ, съ выдачею ему пособія, но Федоровъ обидѣлся и, по отбытіи наказанія, подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности управляющаго домомъ предварительнаго заключенія.

Когда, наконецъ, изъ воротъ дома предварительнаго заключенія показалась Вѣра Засуличъ, публика встрѣтила ее громомъ аплодисментовъ и понесла на рукахъ по направленію къ Литейному проспекту, но здѣсь загородили ей дорогу жандармы и городовые. Тогда толпа пошла по направленію къ Воскресенскому проспекту. Посрединѣ Шпалерной Вѣру Засуличъ помѣстили въ приведенную карету, которая подвигалась впередъ, эскортируемая толпою. Вдругъ на углу Воскресенскаго проспекта и Фурштатской улицы полиція и пѣшіе жандармы атаковали толпу. Въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Сѣверный Вѣстникъ», Вѣра Засуличъ такъ описываетъ это столкновеніе:

«Жандармы остановили карету, въ которой я ѣхала, съ намѣреніемъ пересадить меня въ другую. Мнѣ и, какъ мнѣ кажется, окружавшей публикѣ пришло на мысль, что, несмотря на оправдательный приговоръ, меня хотятъ арестовать. Публика, съ сознательнымъ-ли намѣреніемъ помѣшать аресту, или, просто, по инстинктивному нежеланію допустить его, со всѣхъ сторонъ тѣснилась къ каретѣ, жандармы же расталкивали ее и отрывали отъ дверцевъ кареты державшіяся за нихъ руки. Затѣмъ раздались выстрѣлы, поднялась невыразимая суматоха, и карета, въ которой я была, уѣхала. При жандармахъ извозчику кареты громко кричали адресъ той знакомой, къ которой я собиралась ѣхать. Въ 2 часа ночи по этому адресу явился полицейскій чиновникъ въ сопровожденіи дворниковъ и трехъ неизвѣстныхъ лицъ. Они осмотрѣли всѣ углы квартиры,

внимательно вглядываясь въ лица всѣхъ бывшихъ тамъ женщинъ. Все это заставляетъ меня вѣрить доходящимъ до меня слухамъ о розыскахъ и о томъ, что имѣется приказъ преслѣдовать меня административнымъ порядкомъ. Я готова была безпрекословно подчиниться приговору суда, но не рѣшаюсь снова подвергнуться безконечнымъ и неопредѣленнымъ административнымъ преслѣдованіямъ и вынуждена скрыться, пока не увѣрюсь, что ошиблась и что мнѣ не угрожаетъ опасность ареста».

Что касается выстрѣловъ, то, какъ оказалось, стрѣлялъ Григорій Сидорацкій (присужденный годъ тому назадъ къ 6-недѣльному заключенію въ смирительномъ домѣ, какъ одинъ изъ обвиняемыхъ по дѣлу «50-ти»). Однимъ изъ выстрѣловъ была убита Рафаилова, «нигилистка», поясняетъ оффиціальный отчетъ; другая пуля пробила каску у жандарма; третья положила на мѣстѣ самого Сидорацкаго, который предпочелъ самоубійство аресту.

Тутъ толпу атаковали конные жандармы и въ четверть часа очистили улицу. На мѣстѣ побоища остался только трупъ Сидорацкаго. По версіи, сообщаемой «Началомъ», Сидорацкій не застрѣлился, но былъ убитъ жандармами. «Начало» утверждаетъ, что въ свалкѣ ему попало нѣсколько ударовъ по лицу. Не помня себя, онъ выхватилъ револьверъ и дрожащею рукою выстрѣлилъ наугадъ: «Одна пуля его попадаетъ въ какую-то женщину, другая въ каску жандарма. Послѣ небольшой паузы стрѣляютъ уже въ него и убиваютъ наповалъ. Очевидно, стрѣляла рука болѣе мѣткая и на очень близкомъ разстояніи. Много глазъ видѣло, какъ въ моментъ сумятицы, послѣдовавшей за выстрѣломъ Сидорацкаго, жандармы выхватили изъ кобуръ свои револьверы».

Во время свалки Вѣра Засулитъ исчезла. Она

уѣхала за границу и затѣмъ проживала, главнымъ образомъ, въ Парижѣ и Швейцаріи. Вскорѣ кассаціонный департаментъ сената кассировалъ приговоръ суда присяжныхъ и постановилъ вторичное разсмотрѣніе дѣла, но Вѣра Засуличъ, конечно, разыскана не была, и разборъ дѣла не состоялся.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что покушеніе Вѣры Засуличъ имѣло мѣсто чуть-ли не на второй день послѣ объявленія приговора сенатомъ по дѣлу «193-хъ». «Оно замѣчательно,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ издатель «Гражданина», кн. Мещерскій,—не только по дерзости исполненія, но и по дерзости мотивовъ, побудившихъ эту женщину совершить свое преступленіе не только безбоязненно, но даже съ фанатическимъ сознаніемъ исполняемой ею миссіи, свидѣтельствовавшихъ явно о томъ, каково было тогдашнее настроеніе политическихъ преступниковъ и какова была ихъ коллективная сила. Вѣра Засуличъ, въ опасной связи съ тогдашними кружками крамолы, явилась исполнительницею какого-то приговора правосудія надъ петербургскимъ градоначальникомъ за то, что онъ, при посѣщеніи дома заключенныхъ, велѣлъ подвергнуть тѣлесному наказанію одного арестанта, позволившаго себѣ дерзкое съ нимъ обращеніе. Рана, произведенная почти въ упоръ, была тяжелая; пуля засѣла въ нижнюю часть брюшной полости. Государь въ этотъ день посѣтилъ своего вѣрнаго слугу, но, къ сожалѣнію, малодушные совѣтники поспѣшили дать Государю роковой совѣтъ: согласиться на уходъ съ должности градоначальника генерала Трепова, а это-то имѣло вліяніе на усиленіе крамолы, несравненно сильнѣйшее, чѣмъ самое преступленіе Вѣры Засуличъ. Для всѣхъ фактъ увольненія генерала Трепова признанъ былъ равносильнымъ новому признаку не только торже-

ствующей крамолы, но правительственнаго передъ нею страха...

«Торжественное оправданіе Вѣры Засуличъ происходило какъ будто въ какомъ-то ужасномъ кошмарномъ снѣ... Никто не могъ понять, какъ могло состояться въ залѣ суда самодержавной Имперіи такое страшное глумленіе надъ государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы, но въ то же время въ какомъ-то летаргическомъ оцѣпенѣніи всѣ молчали, и никто не могъ громко протестовать...

«Такъ, промежъ себя, нѣкоторые русскіе люди говорили, что если-бъ, въ отвѣтъ на такое прямо революціонное проявленіе правосудія, Государь своею властью кассировалъ рѣшеніе суда, весь составъ суда подвергъ изгнанію со службы и проявилъ эту строгость немедленно и всенародно, то, весьма вѣроятно, развитіе крамолы было бы сразу пріостановлено.

«Все, что происходило по дѣлу Вѣры Засуличъ, къ сожалѣнію, носило характеръ рокового малодушія и слабости передъ крамолою. Такъ, дали на улицахъ разжечь цѣлую, громадную демонстрацію въ честь Засуличъ, и рядомъ съ тѣмъ ходили по городу разсказы о томъ, что не только вся зала суда рукоплескала Засуличъ въ минуту ея оправданія, но что даже присутствовавшіе въ залѣ высшіе сановники Государя явились во главѣ этихъ рукоплескателей. Потомъ стали отрицать этотъ фактъ, но, очевидно, дѣло было не въ томъ, апплодировали-ли сановники, или не апплодировали Вѣрѣ Засуличъ, а въ томъ, что, во всякомъ случаѣ, среда высшей интеллигенціи въ Петербургѣ была въ то время такъ настроена, что за правительство и за Государя никто не смѣлъ высказываться, а сочувствіе къ крамолѣ и крамольникамъ, по трусости однихъ и по убѣжденію другихъ, высказывалось громко».

Приводя эти воспоминанія, не можемъ не подчеркнуть, что и кн. Мещерскій удостовѣряетъ, что всеобщія симпатіи были на сторонѣ Вѣры Засуличъ и въ ея выстрѣлѣ увидѣли протестъ человѣческаго достоинства противъ жестокостей и угнетенія.

Одинъ вопросъ является въ высокой степени спорнымъ, дѣйствовала-ли Вѣра Засуличъ по порученію и въ качествѣ члена «Земли и Воли»? По крайней мѣрѣ, судебное слѣдствіе не выяснило принадлежности Засуличъ къ какой-либо партіи. Тунъ тоже утверждаетъ, что она выступила въ качествѣ мстительницы, единственно по своей иниціативѣ, землевольцы же въ своихъ воспоминаніяхъ выражаются по этому вопросу какъ-то неопредѣленно и въ общихъ чертахъ.

IV.

Съѣздъ землевольцевъ. — Пересмотръ программы.—Типографія «Земли и воли».—Зунделевичъ.—«Летучій листокъ». — Пропаганда среди молодежи и рабочихъ.— Демонстраціи на похоронахъ рабочихъ патроннаго завода и Подлевскаго. — Попытка отбить Войнорамьскаго. — Покушеніе Кравчинскаго.

Къ концу 1877 г. въ Петербургъ съѣхалось много землевольцевъ по тѣмъ или другимъ причинамъ. Однихъ изгнало изъ провинціи крушеніе ихъ деревенскихъ поселеній, другихъ Петербургъ привлекалъ по соображеніямъ чисто-дезорганизаторскаго свойства. Въ Петербургъ собралось, такимъ образомъ, много членовъ саратовскаго, нижегородскаго и донского населеній, которыя, вмѣстѣ съ администраціей и петербургскими группами образовали такъ называемый «Большой совѣтъ».

Въ Петербургѣ собралась довольно значительная группа революціонеровъ, такъ или иначе тяготѣвшихъ къ «Землѣ и Волѣ»: Ольга Натансонъ, Оболешевъ, Зунделевичъ, Андріанъ Михайловъ, Булановъ, М. Р. Поповъ, Преображенскій, Троицкій, Мощенко, Хотинскій, Квятковскій, Осинскій, Плехановъ, Фроленко, Полко, Лизогубъ и др. Рѣшено было воспользоваться этимъ случаемъ и рѣшить рядъ болѣе важныхъ вопросовъ и дѣлъ, относительно которыхъ администрація не считала себя компетентною. Къ числу такихъ вопро-

совъ относились: 1) пересмотръ устава и программы общества, 2) организація типографской и издательской группъ, 3) изданіе центральнаго литературнаго органа «Земля и Воля», 4) привлеченіе новыхъ членовъ, 5) пропаганда и агитація въ средѣ молодежи, рабочихъ и общества и 6) приведеніе въ окончательный порядокъ имѣвшагося уже у организаціи революціоннаго фонда, такъ называемаго «фонда Лизогуба», и пріисканіе новыхъ источниковъ дохода.

Здѣсь нельзя не отмѣтить, что къ концу 1877 г. у русскихъ революціонеровъ уже была собственная типографія, работавшая въ самомъ Петербургѣ. Члены «Земли и Воли», хотя и сознавали важность и пользу типографіи, но считали устройство ея дѣломъ, не только труднымъ, но прямо невозможнымъ, праздной мечтой. Нашелся, однако, человѣкъ, доказывавшій съ жаромъ, что даже въ самомъ Петербургѣ можно устроить типографію, и бравшійся устроить ее, если только его снабдятъ необходимыми средствами. Этого человѣка звали Ааромъ Зунделевичемъ. Онъ былъ виленскій уроженецъ, сынъ одного мелкаго лавочника—еврея. Какъ пишетъ Степнякъ, послѣ многихъ усилій Зунделевичу удалось побороть недовѣріе товарищей и, получивъ на свою затѣю около 4 тыс. руб., онъ отправился съ этими деньгами за границу, гдѣ пріобрѣлъ всѣ типографскія принадлежности и доставилъ ихъ въ Петербургъ. Онъ завелъ обширнѣйшія связи между контрабандистами, которыми пользовался нѣсколько лѣтъ, какъ для доставки матеріаловъ для своей типографіи, такъ и для перевода черезъ границу эмигрантовъ, желавшихъ почему-либо возвратиться на родину.

Типографія, устроенная Зунделевичемъ, просуществовала около четырехъ лѣтъ и, послѣ рас-

паденія «Земли и Воли», поступила въ распоряженіе «Народной Воли».

Типографія могла, конечно, существовать исключительно благодаря фанатичной преданности со стороны лицъ, работавшихъ въ ней, и той чрезвычайной заботливости, съ какой принимались малѣйшія предосторожности, чтобы оберечь типографію отъ всякихъ опасностей.

Какъ повѣствуетъ Степнякъ, никто не ходилъ туда; никто, кромѣ тѣхъ, кому это было необходимо, не зналъ даже, гдѣ она помѣщалась. Осторожность доходила до того, что не только члены организаціи, которой типографія принадлежала, но даже редакторы и сотрудники печатавшагося тамъ органа не знали, гдѣ она находилась. Обыкновенно только одинъ изъ нихъ посвящался въ тайну, и затѣмъ уже онъ велъ всѣ сношенія, избѣгая по возможности личныхъ посѣщеній. Сношенія сотрудниковъ съ типографіей устраивались въ надежныхъ нейтральныхъ пунктахъ. Тамъ сдавались рукописи, сообщались корректуры и каждый разъ назначались время и мѣсто слѣдующаго совѣщанія. Степняку въ качествѣ сотрудника «Земли и Воли» пришлось только разъ посѣтить типографію, и онъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія:

«Типографія помѣщалась на Николаевской улицѣ, въ двухъ шагахъ отъ Невскаго. Со всевозможными предосторожностями я добрался до квартиры и позвонилъ условнымъ образомъ. Мнѣ отворила Марія Крылова, и я вошелъ съ чувствомъ благоговѣнія, какое долженъ испытывать правовѣрный, переступая порогъ храма.

«Въ типографіи работало четыре человѣка: двое мужчинъ и двѣ женщины.

«Марія Крылова, хозяйка квартиры, женщина лѣтъ 45, была однимъ изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ членовъ партіи. Она привле-

калась еще по дѣлу Каракозова и была сослана на житье въ одну изъ сѣверныхъ губерній. Въ 1874 г. ей удалось бѣжать изъ ссылки. Она была одной изъ лучшихъ наборщицъ, несмотря на то, что отъ развившейся у нея прогрессивной близорукости она почти ничего не видѣла.

«Василій Бухъ, сынъ генерала и племянникъ сенатора, жилъ у Крыловой въ качествѣ квартиранта. У него былъ паспортъ чиновника какого-то министерства, и онъ ежедневно выходилъ изъ дому въ опредѣленное время съ гигантскимъ портфелемъ подъ мышкой, въ которомъ онъ уносилъ номера газеты и приносилъ бумагу для печатанія. Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 26—27, блѣдный, съ изящной, аристократической наружностью, и до такой степени молчаливый, что иногда по цѣлымъ днямъ рѣшительно не открывалъ рта. Онъ-то и служилъ посредникомъ между типографіей и внѣшнимъ міромъ.

«Фамилія третьяго изъ обитателей квартиры такъ и осталась тайной. Уже больше трехъ лѣтъ онъ находился въ рядахъ партіи и пользовался всеобщей любовью и уваженіемъ, но его настоящаго имени никто не зналъ, потому что тотъ, кто ввелъ его въ организацію, умеръ, а всѣ остальные звали его не иначе, какъ «Птицей», прозвище, данное ему за голосъ. Когда, послѣ отчаяннаго, четырехчасового сопротивленія, типографія «Народной Воли», гдѣ онъ работалъ, принуждена была сдаться, и солдаты ворвались въ домъ, онъ покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ револьвера. Такъ безъимяннымъ онъ жилъ, безъимяннымъ сошелъ въ могилу.

«Его положеніе въ типографіи было едва-ли не самымъ тяжелымъ. Дѣло въ томъ, что, въ видахъ осторожности, онъ вовсе не прописывался въ полиціи, такъ какъ каждый предъявленный паспортъ, хотя бы самый лучшій, все же лишняя

опасность. Поэтому ему приходилось постоянно скрываться и по цѣлымъ мѣсяцамъ не показывать носа за порогъ квартиры, чтобы не попасться на глаза дворнику. Вообще, всѣ работавшіе въ тайныхъ типографіяхъ порывали почти всякія сношенія съ внѣшнимъ міромъ и вели жизнь отшельниковъ. Но бѣдной «Птицѣ» пришлось обречь себя на положеніе настоящаго узника, замурованнаго навсегда въ четырехъ стѣнахъ. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ 22—23, высокій, тонкій, съ худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ прядями длинныхъ иссиня-черныхъ волосъ.

«Четвертымъ наборщикомъ была дѣвушка, жившая подъ видомъ служанки Крыловой. Это была миловидная блондинка, 18 или 19 лѣтъ, съ голубыми глазами, которую можно было бы назвать очень красивой, если бы не тяжелое, угнетающее нервное напряженіе, никогда не сходившее съ ея блѣднаго лица. Она казалась живымъ воплощеніемъ тѣхъ нервныхъ мукъ, которыхъ стоитъ людямъ долгая жизнь въ этомъ роковомъ мѣстѣ, подъ угрозой ежечасной, ежеминутной гибели.

«Меня провели по всѣмъ комнатамъ и объяснили, какъ происходитъ работа. Самая типографія была крайне несложной: нѣсколько кассъ съ разными шрифтами; маленькій цилиндръ, только-что отлитый изъ какой-то темнобурой упругой массы, похожей на столярный клей и сладковатой на языкъ; большой, тяжелый цилиндръ, покрытый сукномъ и служившій въ качествѣ пресса; нѣсколько пропитанныхъ чернилами щетокъ и губокъ въ корзинѣ; двѣ-три банки типографскихъ чернилъ. Все было расположено такимъ образомъ, что въ четверть часа могло быть убрано въ большой шкафъ, стоявшій тутъ же въ углу.

«Мнѣ объяснили технику работы и разсказали о нѣкоторыхъ маленькихъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали, чтобы отвратить подозрѣнія со стороны дворника, приносившаго ежедневно въ квартиру воду, дрова и пр. Основнымъ правиломъ было не прятаться, насколько возможно, а, напротивъ, показывать всю квартиру, какъ можно чаще. Наборщики пользовались всякимъ поводомъ, чтобы пустить дворника во внутреннія комнаты, конечно, предварительно убравъ оттуда все подозрительное. Когда повода не было, его сочиняли. Такъ, долго не могли придумать, подъ какимъ бы предлогомъ залучить его въ одну изъ заднихъ комнатъ. Наконецъ, Крылова пошла разъ къ дворнику и сказала, что туда забѣжала крыса, которую нужно убить. Дворникъ явился, понятно, ничего не нашелъ, но дѣло было сдѣлано: теперь онъ побывалъ во всѣхъ комнатахъ и могъ засвидѣтельствовать, что нигдѣ не видѣлъ ничего подозрительнаго. Разъ въ мѣсяцъ въ квартиру обязательно являлись полотеры.

«Глубокая грусть овладѣла мною при видѣ этихъ людей,—кончаетъ Степнякъ свое описаніе тайной типографіи.—Невольно я сравнилъ ихъ ужасную жизнь съ нашей, и мнѣ стало стыдно. Вся наша дѣятельность при дневномъ свѣтѣ, среди возбуждающей обстановки борьбы, въ кругу товарищей и друзей, развѣ не была она праздникомъ по сравненію съ поистинѣ каторжнымъ существованіемъ, на которое эти люди обрекли себя въ своей унылой, темной норѣ».

Въ своихъ воспоминаніяхъ Антекманъ приводитъ весьма интересный эпизодъ изъ исторіи издательской дѣятельности «Земли и Воли». Въ январѣ 1878 г., одновременно съ Валеріаномъ Осинскимъ, прибылъ въ Петербургъ депутатъ отъ кіевской группы конституціоналистовъ, Ювеналіевъ, съ предложеніемъ издавать совмѣстно ре-

волюціонный органъ. Это предложеніе горячо поддерживалъ Осинскій, но оно провалилось съ трескомъ. Затѣмъ послѣдовало со стороны конституціоналистовъ другое предложеніе, напечатать въ типографіи «Земли и Воли» воззваніе кіевскихъ конституціоналистовъ къ русскому обществу. По поводу предложенія въ «Большомъ совѣтѣ» происходили самыя ожесточенныя пререканія. Правовѣрные народники, какъ Преображенскій, М. Р. Поповъ, Мищенко, Антекманъ, высказывались безусловно противъ печатанія въ землевольской типографіи воззваній и литературныхъ произведеній, которыя идутъ въ разрѣзъ съ основными соціально-политическими воззрѣніями общества «Земли и Воли». Осинскій горячо отстаивалъ свое предложеніе.

«Наша типографія — вольная типографія,— говорилъ Осинскій,—и она должна быть таковой не только по имени. Каждое вольное, протестующее слово должно найти въ ней мѣсто. Отказываясь напечатать это воззваніе, мы подрываемъ собственную основу, святую святыхъ нашего революціоннаго credo, права свободы слова. Наша типографія единственная вольная типографія въ Россіи, откуда исходитъ свободное слово. Дадимъ же черезъ нашу типографію и другимъ возможность тоже сказать свое вольное слово».

Осинскаго поддерживали: Оболешевъ-Сабуровъ, Зунделевичъ и Ольга Натансонъ. Въ пылу спора Антекманъ объявилъ, что, если, паче чаянія, это воззваніе будетъ отпечатано, то онъ, съ своей стороны, приметъ всѣ мѣры къ тому, чтобы изъять его изъ обращенія, и что во всякомъ случаѣ въ среду молодежи оно допущено не будетъ.

Несмотря на протесты, воззваніе, повидимому, все-таки было напечатано. Оно носитъ заглавіе «Летучій листокъ». Въ немъ безымянный авторъ

на основаніи фактовъ послѣднихъ дней (процессъ Вѣры Засуличъ, покушеніе на Котляревскаго и т. д.) заявляетъ, что:

«Бываютъ тревожныя минуты, когда логика событій, несмотря на ихъ кажущуюся безпорядочность и внезапность, съ непреодолимою силою намѣчаетъ ближайшій историческій шагъ, безусловно необходимый для страны». Шагъ этотъ: «конституція, земскій соборъ. Тщетно правительство грозитъ репрессаліями, какъ закрытіе высшихъ учебныхъ заведеній, запрещеніе газетъ, приравниваніе жандармскихъ командъ къ военному караулу или законодательное сокращеніе раіона дѣйствій суда присяжныхъ. Историческаго движенія задержать нельзя. Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки».

При обсужденіи вопроса объ усиленіи средствъ общества Осинскій предложилъ съ этою цѣлью внести въ число функцій дезорганизаторской группы экспропріацію государственныхъ, общественныхъ, а въ крайнемъ случаѣ, и частныхъ имуществъ. Впрочемъ, предложеніе было единогласно отвергнуто, и главными рессурсами общества являлись средства, получаемыя отъ ликвидаціи имѣній Лизогуба, пожертвовавшаго «Землѣ и Волѣ» свое значительное состояніе.

Результатомъ дѣятельности общества среди молодежи явились волненія въ петербургскомъ университетѣ, послужившія прологомъ къ цѣлому ряду волненій, возникавшихъ въ теченіе 1878 г. то въ одномъ, то въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи, и перешедшихъ, наконецъ, въ концѣ года, во всероссійское студенческое волненіе, закончившееся безпощадными репрессіями: массовыми арестами и ссылками студентовъ въ сѣверныя губерніи и Восточную Сибирь. Агитаціонная дѣятельность среди петербургскихъ рабочихъ началась еще въ началѣ 70-хъ

годовъ и продолжалась съ большими или меньшими перерывами вплоть до Казанской демонстраціи —6-го декабря 1876 г., когда одни изъ агитаторовъ были арестованы, другіе были вынуждены скрыться на время изъ Петербурга. Въ концѣ 1877 г. пропаганда опять возобновилась. Вскорѣ представился случай принять активное участіе въ дѣлахъ петербургскаго рабочаго населенія. На василеостровскомъ патронномъ заводѣ, по непростительной винѣ начальства, произошелъ взрывъ, жертвою котораго сдѣлались четыре человѣка рабочихъ. Революціонный кружокъ, существовавшій на заводѣ, пожелалъ придать похоронамъ ихъ характеръ демонстраціи, пригласивъ по этому случаю землевольцевъ. На похороны явились Осинскій, Плехановъ, М. Р. Поповъ, Полко, Халтуринъ и друг. Заводскій кружокъ присоединился къ нимъ. Начали совѣщаться, что предпринять. Землевольцы находили, что выступать съ революціонною рѣчью было бы неумѣстно, такъ какъ полиція, все время сопровождавшая шествіе, въ большомъ количествѣ стала вокругъ могилъ, но вдругъ выступилъ никому неизвѣстный рабочій и началъ рѣчь революціоннаго характера.

Рабочаго прервали. Раздались полицейскіе свистки. Околоточный надзиратель бросился арестовать рабочаго, но толпа, подъ руководствомъ землевольцевъ, дружно кинулась на полицію и отбила арестованнаго.

Послѣ этого случая землевольцы пріобрѣли среди рабочихъ знакомства и симпатіи.

Вторая демонстрація, не безъ участія землевольцевъ, была на похоронахъ студента, Антона Александровича Подлевскаго. Онъ умеръ отъ чахотки въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, куда былъ переведенъ въ совершенно безнадежномъ состояніи изъ дома предварительнаго заключенія. 25-го февраля, къ 12 час. дня, у часов-

ни госпиталя собралась громадная толпа народа. Полиція, желая воспрепятствовать демонстраціи, хотѣла отложить похороны, но толпа силою ворвалась въ часовню, взяла гробъ и понесла его. На Таврической площади толпу нагнали городовые на извозчикахъ и хотѣли отнять гробъ. Произошла свалка, но тутъ въ дѣло вмѣшалась посторонняя публика, находившая поведеніе полиціи неприличнымъ, и послѣдней пришлось отступить. Тѣло Подлевскаго торжественно понесли на Выборгское католическое кладбище, гдѣ его предали землѣ.

Пропагандою среди студентовъ и рабочихъ, печатаніемъ журналовъ и прокламацій и демонстраціями, въ родѣ описанныхъ выше, не исчерпывается дѣятельность землевольцевъ. Ихъ энергія проявилась, между прочимъ, въ устройствѣ нѣсколькихъ чрезвычайно дерзкихъ побѣговъ изъ тюрьмы. Особенно замѣчательна попытка освободить Войнаральскаго.

Еще въ 1875 г., при обширныхъ тюрьмахъ Ново-Борисоглѣбска и Ново-Бѣлгорода, въ Харьковской губ., были устроены отдѣленія для политическихъ арестованныхъ, на 180 человѣкъ каждое, гдѣ они должны были отбывать соотвѣтственное наказаніе до каторжныхъ работъ включительно. Получивъ извѣстіе, что главные обвиняемые по процессу «193-хъ»: Коваликъ, Войнаральскій, Рогачевъ и Муравскій, будутъ отправлены въ одну изъ этихъ тюремъ, народовольцы рѣшили отбить ихъ.

Въ іюнѣ 1878 г., въ глухой мѣстности Харькова, въ небольшомъ переулкѣ, была нанята «центральная квартира» для храненія оружія и костюмовъ, устройства собраній и т. д. Тамъ поселились лица, командированныя изъ Петербурга для устройства побѣга, и занялись приготовленіемъ всего необходимаго: были пріобрѣтены че-

тыре хорошія лошади, бричка, полный костюмъ жандармскаго офицера и т. д. Заключенныхъ предполагалось отбить по пути слѣдованія изъ Харькова въ одну изъ вышеупомянутыхъ тюремъ, куда они отправлялись обыкновенно въ сопровожденіи не болѣе двухъ жандармовъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня было получено извѣстіе, что товарный поѣздъ, въ которомъ находятся Коваликъ, Войноральскій, Рогачевъ и Муравскій, въ сопровожденіи жандармовъ и офицера, выѣхалъ изъ Москвы и прибудетъ въ Харьковъ около 12 час. ночи. Немедленно на вокзалъ и на товарную станцію были отправлены два человѣка наблюдать, прибудутъ-ли арестанты. Около 3 час. ночи они сообщили, что арестанты прибыли, что двухъ изъ нихъ отправили въ мѣстный тюремный замокъ, двухъ же прямо въ контору вольнонаемныхъ почтъ для отправленія по назначенію.

Имѣя точныя свѣдѣнія о томъ, что въ Ново-Бѣлгородской тюрьмѣ свободныхъ мѣстъ нѣтъ, революціонеры стали поджидать жандармовъ на дорогѣ въ Ново-Борисоглѣбскую тюрьму. Стояла отвратительная погода. Всю ночь шелъ дождь. Жирная черноземная почва, прилипая огромными комьями къ колесамъ и копытамъ лошадей, страшно затрудняла путешествіе. Революціонеры отъѣхали верстъ десять отъ Харькова и остановились на пригоркѣ, вблизи селенія Росани. Ѣхать дальше они считали неудобнымъ и тамъ устроили наблюдательный пунктъ, но прошло нѣсколько часовъ, и жандармы не появлялись. Революціонеры порѣшили, что, очевидно, арестантовъ повезли не въ Ново-Борисоглѣбскъ, но въ Ново-Бѣлгородъ, а потому они возвратились въ городъ. Оказалось, однако, что они поторячились, такъ какъ, именно, въ Ново-Борисоглѣбскъ

отправили по дорогѣ, на которой они сдѣлали привалъ, Ковалика, Рогачева и Муравскаго.

Получивъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Войнаральскаго повезутъ въ тюрьму на слѣдующее утро, революціонеры составили болѣе обдуманный планъ. Недалеко отъ тюремнаго замка, въ пунктѣ, откуда можно было наблюдать хорошо тюремныя ворота, былъ поставленъ верховой. Другой помѣстился по сосѣдству съ конторою вольнонаемныхъ почтъ, бричка же съ остальными участниками нападенія заняла позицію на небольшомъ проселкѣ, на равномъ разстояніи отъ обѣихъ дорогъ, по одной изъ которыхъ должны были повезти Войнаральскаго. Въ бричку сѣли три революціонера, одинъ одѣтый жандармскимъ офицеромъ, два другихъ въ обыкновенныхъ костюмахъ. Было условлено, что верховой извѣститъ находившихся въ бричкѣ, по какой дорогѣ поѣдутъ жандармы, послѣ чего всѣ вмѣстѣ, выѣхавъ на соотвѣтствующую дорогу, поѣдутъ по ней впереди жандармовъ, пока не встрѣтится мѣста, благопріятнаго для нападенія.

Весь вышеописанный планъ былъ выполненъ точно. Прискакалъ верховой, крикнувшій: «На Зміевскую дорогу!», и бричка быстро покатила въ этомъ направленіи, выѣхавъ на дорогу раньше жандармовъ, ѣхавшихъ на тройкѣ. Революціонеры поѣхали впереди жандармовъ, заставляя ихъ слѣдовать за собою на небольшомъ разстояніи. На этотъ разъ погода вполнѣ благопріятствовала. Увидѣвъ за пригоркомъ колокольню ближайшаго села, революціонеры рѣшили, что ѣхать дальше невозможно. Они свернули немного съ дороги и осадили лошадей.

— Стой!—крикнулъ жандармамъ одѣтый офицеромъ, выступивъ на дорогу.

Ямщикъ осадилъ тройку.

— Куда ѣдешь?—спросилъ мнимый офицеръ, подходя къ кибиткѣ.

— Въ Бѣлгородъ!—отвѣтилъ жандармъ, дѣлая подъ козырекъ, но въ этотъ моментъ грянулъ выстрѣлъ, за нимъ другой. Одинъ жандармъ, тяжело раненый, свалился на дно кибитки, но испуганныя лошади понесли. Верховой, находившійся немного впереди, желалъ убить коренную лошадь жандармовъ, но и его лошадь, испугавшись выстрѣловъ, стала на дыбы. Пока онъ справлялся съ нею, жандармы поскакали впередъ. Онъ погнался за ними и на всемъ скаку выпустилъ въ жандармскихъ лошадей всѣ шесть пуль изъ своего револьвера, но выстрѣлы нанесли имъ только легкія раны, заставившія лошадей бѣжать еще быстрѣе. Кибитка съ Войнаральскимъ ускакала, и революціонерамъ не оставалось ничего другого, какъ возвратиться въ Харьковъ.

По оффиціальной версіи, нападавшіе, смертельно ранивъ жандарма Яворскаго, разбѣжались, увидѣвъ, что навстрѣчу имъ идутъ новые жандармы, которые доставили въ тюрьму партію арестантовъ и возвращались обратно. Вернувшись въ Харьковъ, революціонеры оставили на постояломъ дворѣ своихъ лошадей, оружіе и даже, между прочимъ, жандармскую форму. Все это на слѣдующій же день (покушеніе отбить Войнаральскаго было совершено 1-го іюля) попало въ руки властей, благодаря же указаніямъ владѣльца постоялаго двора, уже 2-го іюля, былъ арестованъ главный руководитель покушенія, Петръ Никифоровичъ Фоминъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе установило, что наиболѣе дѣятельными участниками покушенія были: студенты Ефремовъ и Яцевичъ, рабочіе: Радинъ, Рамко, Березнякъ, и одна женщина: Савенкова.

По свидѣтельству Степняка, «инициатива побѣга принадлежала Софьѣ Перовской. Какъ извѣст-

но, и она находилась въ числѣ обвиняемыхъ по дѣлу «193-хъ», но была оправдана, послѣ чего посвятила свои силы освобожденію товарищей, осужденныхъ на заключеніе въ центральной тюрьмѣ. Сперва ея выборъ остановился на Мышкинѣ, котораго Перовская желала отбить во время слѣдованія изъ Петербурга въ Ново-Бѣлгородъ, но революціонеры проглядѣли отправку Мышкина и узнали о ней только тогда, когда онъ былъ уже въ центральной тюрьмѣ. Тогда Перовская рѣшила освободить Войнаральскаго. Когда и эту попытку постигла неудача, Перовская,—по словамъ Степняка,—осыпала и безъ того убитыхъ горемъ товарищей жестокими упреками: «Зачѣмъ давали промахи? Зачѣмъ не гнались дальше?»

«Однако, нужно было уѣзжать изъ Харькова возможно скорѣе, потому что полиція прослѣдила нашихъ по горячимъ слѣдамъ. Не имѣя возможности сняться разомъ въ тотъ же день, заговорщики уѣхали двумя партіями. Первая, большая, оставила городъ безъ всякихъ задержекъ, но, когда на вокзалъ явилась вторая, состоявшая изъ трехъ человѣкъ, всѣ входы были уже заняты разными служителями съ постоялаго двора и оставленныхъ революціонерами квартиръ. По ихъ указаніямъ былъ арестованъ Фоминъ. Двумъ другимъ, оставшимся неузнанными, удалось уѣхать благополучно».

Мѣсяцъ спустя, 4-го августа, Кравчинскій убилъ Мезенцева.

Этимъ террористическимъ актомъ, описаннымъ уже нами раньше, открывается, такъ сказать, второй періодъ дѣятельности петербургскихъ кружковъ «Земли и Воли», закончившійся распаденіемъ этой организаціи.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ИСТОЧНИКИ.

«Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887 г.г. (оффиціальный отчетъ). Москва, 1907 г., изданіе В. Саблина.

О. В. Аптекманъ.—«Изъ исторіи революціоннаго народничества. «Земля и Воля» 70-хъ годовъ». «Русск. истор. библіотека», № 19).

Б. Базилевскій.—«Революціонная журналистика семидесятыхъ годовъ». («Руск. истор. библіотека», № 7).

С. Степнякъ.—«Подпольная Россія».

«Процессъ Вѣры Засуличъ». Книгоиздательство «Современникъ».

Вл. Бурцевъ.—«А. Д. Михайловъ» («Русск. истор. библіотека», № 13).

Б. Базилевскій.—«Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.», т. II (1877). Изданіе книг. «Донск. Рѣчь».

100 БЕЗПЛАТНО

100 ВЫПУСКОВЪ:

Библіотеки освободительнаго движенія . . . 32
(болѣе 2000 стран.)
Вторая Государственная Дума (250 стран.) 4
Политической библіотеки (болѣе 1500 стран.) . . 24
Популярно-научной библіотеки (болѣе 2500 стр. 40

А также: 100 ВЫПУСКОВЪ.

Иллюстрированные художественно-литературные журналы:

„НОВАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“
и „ОГОНЕКЪ“,

получатъ подписчики издаваемой С. М. Проппероmъ 27-ой годъ

1 Руб. 25 коп. три мѣс. большой политической, общественной и литературной ежедневной газеты „БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ“ ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ. 5 Руб. за годъ съ перес.

Подробное объявленіе высылается безплатно.

Главная контора „Биржевыхъ Вѣдомостей“.
С.-Петербургъ, Галерная, 40, собств. домъ.